

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Е. С. Бердышева

Дифференциация «привлекательности» правонарушений в восприятии российских полицейских¹

БЕРДЫШЕВА Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: eberdysheva@hse.ru

Работа полицейских над тем или иным правонарушением направляется представлениями о критериях оценивания эффективности их деятельности (police performance). Различные дела, поступившие в разработку, имеют в глазах полицейских неодинаковую ценность и обрабатываются с разным рвением.

Подход институциональных логик связывает порядки обоснования ценности с интересами, верованиями, миссией институциональных акторов, а также с той культурно-материальной средой, в которой они действуют. Применение этого подхода для структурирования эмпирических данных, полученных в 2010–2016 гг. в ходе глубинных интервью с сотрудниками полиции, выпускниками Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя (МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя), проходящими трудовую практику в полицейских подразделениях, а также в ходе анализа дискуссий в интернет-сообществе российских полицейских, позволяет идентифицировать четыре институциональные логики: ведомственную, клановую, квазирыночную и профессиональную. Именно они задают критерии оценки ценности, на которые в разных ситуациях ориентируются полицейские. Демонстрируется, что работа над правонарушением в глазах полицейских имеет цену, выраженную либо «в палках», либо в признании со стороны начальника или коллег, либо в форме изменения профессиональной самооценки и репутации, либо в деньгах. При этом данные позволяют говорить о том, что, хотя на уровне правоохранительной системы в целом между институциональными логиками существует определённая иерархия, в каждом конкретном случае порядки обоснования ценности конкурируют друг с другом, и в зависимости от обстоятельств «дела» проблема множественности логик оценивания может решаться полицейскими по-разному. Результаты исследования проливают свет на механизмы и обстоятельства принятия рабочих решений полицейскими, затрагивают вопросы неформальной экономической деятельности сотрудников полиции, а также помогают акцентировать дисфункциональные стороны реформы полиции в России.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Неформальная экономическая деятельность полиции в трансформирующихся странах и проблемы безопасности населения (на примере России, Болгарии, Казахстана и Латвии)», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. Автор признателен профессору Л. Я. Косалсу, а также анонимным рецензентам за комментарии и замечания, позволившие существенно повысить качество статьи.

Ключевые слова: порядки обоснования ценности; справедливость; профессионализм; коррупция; реформа полиции в России; эффективность деятельности полиции.

Введение

Проблематика оценивания (*evaluation*) занимает сегодня одно из центральных мест в ряду вопросов, интересующих новую экономическую социологию [Hutter, Stark 2015: 2]. В 2013 г. учреждён специализированный журнал «Valuation Studies», в консультационный совет которого вошли такие ключевые для новой экономической социологии фигуры, как, например, М. Каллон, М. Ламон, Д. Старк, Б. Чернявска, М. Фуркад и др.; рецензируемый, открытый и междисциплинарный².

В современном мире сложно найти сферу, где оценивание отсутствует [Helgesson, Muniesa 2013: 3]. Соизмерение (*commensuration*) и калькуляция являются важным способом координации человеческих действий, и это не нейтральный, но политический процесс [Espeland, Stevens 1998]. Стремление современного информационного общества к постоянному наращиванию эффективности процессов, его очарованность аудитом и инновациями подогревают интерес к проблемам соизмерения, калькуляции, социального конструирования ценности (*worth*). Однако не только инновации нуждаются в том, чтобы параметры их ценности рефлексировались социальными акторами [Hutter, Stark 2015]. Калькуляция позволяет конструировать отношения авторитета, создаёт политические единицы, устанавливает новые интерпретативные рамки. Оценивание и калькуляция — фундамент для менеджмента (не важно, об управлении каким типом организации идёт речь). Логика эффективности сегодня распространяется широко за пределы бизнес-сферы, проникает в общественные, некоммерческие организации, попутно меняя их лицо.

В данной статье речь пойдёт о полиции. Дебаты по поводу того, при помощи каких критериев лучше оценивать продуктивность, эффективность, ценность деятельности (*performance*) этой организации, насчитывают несколько десятилетий. И это неудивительно: система оценки сигнализирует о миссии, целях и стандартах деятельности организации, напрямую влияет на мотивацию сотрудников, детерминирует линии поведения, которые считаются желательными [Maguire, Wells 2009]. В случае с организацией, которой в обществе делегировано право на легитимное насилие в целях поддержания действующего правового порядка, трансляция ожиданий по поводу поведения сотрудников имеет первостепенное значение для сохранности и безопасности. Удивление вызывает другое: почему среди множества исследований подходов к оценке *эффективности деятельности полиции (police performance)* так мало внимания уделяется вопросу о том, какими логиками оценивания руководствуются сами полицейские, и тому, как логики, привносимые внешним оцениванием, и логики, функционирующие внутри полицейской организации, соотносятся друг с другом при принятии ими повседневных профессиональных решений. Например, при принятии решений о том, регистрировать ли происшествие, о котором пытаются заявить, или нет, а если регистрировать, то разбираться ли с ним по протоколу или, возможно, использовать его как источник дополнительной денежной прибыли. Когда с рядовым гражданином случается что-то, нуждающееся, по его мнению, в участии сотрудников полиции, исходно предполагается, что необходимый объём усилий полицейских гарантирован их должностными обязанностями. Однако это не так. Происшествия и преступления имеют в глазах полицейских неодинаковую ценность.

За оценкой ценности (*worth*) любого феномена, в том числе и проблемы, над решением которой трудятся правоохранительные органы, всегда скрываются ценности (*values*), значимые для оценивающих

² Веб-сайт журнала: URL: <http://valuationstudies.liu.se/>

акторов [Stark 2011], потому изучение принципов, которыми полицейские руководствуются, принимая решения о том, что делать с поступившим в их ведение «делом», может пролить свет на устройство полицейской организации и на ценности, которыми она живёт. Российской полиции, которую на протяжении трёх постсоветских десятилетий постоянно уличают в неэффективности, а начиная с 2010 г. непрерывно реформируют, в том числе в части системы оценки *police performance*, подобные исследовательские инсайты могут сослужить не только теоретическую, но и практическую службу.

Теоретические основы данного исследования заданы теориями оценивания в совокупности с подходом институциональных логик, обеспечивающим аналитический каркас в организационном анализе. А он предполагает, что практические решения принимаются акторами в условиях балансирования между различными институциональными логиками, под которыми подразумевается совокупность культурных правил и ожиданий, задающих легитимные основания оценивания и определяющих, что именно в данном контексте является рациональным поведением [Thornton, Ocasio, Lounsbury 2012]. Прояснение конфигураций институциональных логик помогает установить те дилеммы, которые имеются в сознании и нормах поведения полицейских, и описать двойственные, как предполагается в данной работе, условия, в которых сотрудники полиции находятся.

Подход институциональных логик акцентирует конкуренцию ценностей, на стыке которых приходится действовать российским полицейским, указывает как на историческое доминирование ведомственной и клановой логик организации полицейской системы в России, так и на функциональные эффекты прибылеориентированной квазирыночной логики, а также открывает возможность коррекции дисфункций правоохранительной системы путем намеренного усиления профессиональной логики в деятельности полицейских.

Цель работы: выявление логик, в координатах которых российские полицейские принимают практические решения о необходимом объёме усилий, направляемых на работу над тем или иным происшествием, попадающим в поле их профессионального зрения.

Данная статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Неформальная экономическая деятельность полиции в трансформирующихся странах и проблемы безопасности населения (на примере России, Болгарии, Казахстана и Латвии)», реализуемого НИУ ВШЭ с 2012 г. по настоящее время. Первоначально сбор эмпирических данных был направлен на зондирование широкого круга вопросов, релевантных базовой тематике, и особенно на выявление болезненных точек в организации деятельности российских полицейских, создающих предпосылки для её коммерциализации. Одной из центральных тем в проанализированных нарративах и дискурсах российских полицейских оказались многочисленные и многообразные эффекты систем оценки результативности их деятельности. Это стало стимулом обратиться к концептуальным ресурсам теорий оценивания (*valuation studies*) и выделить с их помощью анализ данного конкретного аспекта комплексной деятельности российских полицейских в отдельную исследовательскую задачу. Подход институциональных логик обеспечил возможность структурирования полученных данных, направил анализ в сторону поиска в полицейской организации замкнутых систем оценивания, конкурирующих друг с другом. Содержательное наполнение этих логик стало возможным благодаря серии из 12 глубинных интервью с сотрудниками полиции г. Москвы, полученных в 2010–2016 гг. (см. приложение). Выборка исследования была целевой.

За период выполнения данной работы закрытость полицейской организации для исследования существенно возросла. Для мониторинга текущей ситуации по изучаемому вопросу были поэтому привлечены данные девяти интервью с курсантами последнего курса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, которые на момент проведения интервью проходили трудовую практику в различных

ОВД г. Москвы и принимали участие в исследовании «Полиция как профессия: карьерные ожидания студентов Академии МВД»³.

Все интервью были подвергнуты категориальному анализу.

Кроме того, содержание искомым институциональных логик уточнялось и детализировалось с помощью данных онлайн-дискуссий, разворачивающихся на интернет-форуме сотрудников МВД РФ в 2010–2016 гг.⁴. С учётом того, что при регистрации на форуме администраторы требуют от потенциальных участников документы об их профессиональной принадлежности, то есть известно, какие из высказываний принадлежат сотрудникам полиции, действующим или в отставке, использование данного ресурса для анализа ситуации в труднодостижимом для социологов профессиональном сообществе видится оправданным, особенно при разведывательном характере описываемого в данной статье исследования.

Опишем структуру рассуждений в статье. Прежде всего, даётся краткая характеристика теоретико-методологических и эмпирических оснований исследования.

Далее последовательно раскрываются четыре институциональные логики — государственная, клановая, квазирыночная и профессиональная, — реконструированные по итогам анализа нарративов полицейских. Акцент делается на том, какие порядки оценивания «привлекательности» правонарушений, поступивших в разработку, предлагает сотрудникам полиции каждая из логик. За описанием четырёх логик следует попытка оценить соприкосновение и трение между ними, задающие возможные развилки выборов при принятии полицейскими практических решений по происшествиям и преступлениям.

В заключении статьи выводы исследования осмысляются в свете современных научных дискуссий о полицейских дисфункциях и возможных направлениях их преодоления через реформирование правоохранительной системы.

Локус интерпретации данных: между теориями оценивания и подходом институциональных логик

Первоначально оценивание всегда направлено на преодоление неопределённости, возникающей в связи с трудностями вынесения суждений по поводу того, что именно в той или иной ситуации составляет ценность [Aspers, Beckert 2011: 5]. Эти трудности, в свою очередь, являются результатом множественности шкал, при помощи которых может быть измерена ценность, обоснован вердикт по поводу того, что хорошо, а что плохо, что допустимо, а что нет.

Между разными шкалами определения ценности могут существовать компромиссы, они совместимы до определённых пределов, границы между ними бывают очень тонкими, а трения ведут как к противоречиям и конфликтам, так и к новым решениям старых проблем.

Порядки обоснования ценности необязательно строго соизмеримы (*commensurable*) между собой, но при этом за любым из них всегда скрыто особое представление о рациональности. Каждая из множественных шкал измерения ценности обеспечивает свою возможность для калькуля-

³ Автор благодарит выпускницу бакалавриата департамента социальных наук НИУ ВШЭ З. Е. Пчельникову за предоставленную возможность использовать транскрипты интервью, полученных ею в ходе написания выпускной квалификационной работы.

⁴ URL: <https://police-russia.com/>

ции [Stark 2011: 321]. Основной задачей исследователя в таком свете оказывается необходимость реконструировать «инфраструктуру калькуляции» [Heuts, Mol 2013].

Подобный вектор рассуждений не является открытием для социологической теории. П. Бергер и П. Лукман говорили о том, что в обществе существуют сформированные по различным критериям изолированные смысловые подуниверсумы, придающие объективный смысл различным видам человеческой деятельности, общность которых поддерживается группами, непрерывно создающими рассматриваемые значения и воспринимающими их как часть объективной реальности [Бергер, Лукман 1995]. Социальный порядок неоднороден, он сегментирован, и вопрос лишь в том, каким образом стабилизированы критерии определения ценности, где скрыты их источники.

Для одних авторов такими источниками представляются социальные институты. Рынок, государство, профессии, религия, семья и проч. задают различные способы оценивания тех или иных объектов и действий [Friedland, Alford 1991; Greenwood, Hinings 1993]. В пределах каждого из этих институтов существуют свои представления о том, какие критерии обоснования и оценивания ценности легитимны.

Другие авторы не связывают содержание интерпретативных схем напрямую с социальными институтами, а выделяют замкнутые сферы («миры»), привносящие те или иные критерии оценки. Так, например, авторы теории конвенций (с которой плотно работают апологеты теорий оценивания) Люк Болтански и Лоран Тевено говорят о том, что восприятие ситуаций и поведение людей в них во многом зависят от существующих в обществе моральных порядков и локальных способов оценивания, которые воплощены в объектах, признанных в различных режимах прагматичной вовлечённости в мир [Болтански, Тевено 2000: 85–86; Тевено 2000].

Некоторые авторы не соглашались с идеей о бытовании неких стабильных самодостаточных «миров» с соответствующей им логикой интерпретации и обоснования ценности, а настаивают на существовании модальностей, регистров, режимов ценности, актуализируемых под влиянием исторических, культурных и социальных факторов в той или иной ситуации. В определённое время и в определённом месте может актуализироваться та или иная модальность оценивания. Какая именно — зависит от обстоятельств обмена, а не от сферы обмена или пространства калькуляции [Appadurai 1995]. В свете такого подхода оценивание оказывается результатом комплексной системы взаимодействий и обменов между людьми и вещами. При этом наряду с множеством модальностей измерения ценности существуют локальные практики, в ходе которых творческие, калькулирующие индивиды создают асимметрии и пользуются ими [Appadurai 1995]. Эта идея активно развивается Дэвидом Старком, настаивающим на том, что очень часто критерии значимости реконструируются, осознаются акторами непосредственно в ходе взвешивания альтернатив. В таком случае принципиально важным оказывается методологический поворот от изучения ценности как свойства (*worth*) к изучению оценивания (*evaluation*) как социальной деятельности [Heuts, Mol 2013: 5]. Предполагается: фокусируясь на том, как акторы осуществляют оценивание, исследователь получает возможность заметить, что в ходе этого процесса находится на кону (*at stake*) [Mennicken, Sjögren 2015]. Для самих оценивающих акторов этот когнитивный пласт может оставаться латентным, сведённым к практическим заботам о том, чтобы действия вели «к лучшему». Акт заботы и есть способ реализации оценивания. Для заинтересованного стороннего наблюдателя и заботы акторов, и столкновение принципов оценивания могут служить ключом к властной укоренённости и политической подоплёке калькулятивного процесса [Mennicken, Sjögren 2015].

Оценивание может принимать самые разные формы: «за всё в этой жизни нужно платить, но обязательно плата будет выражена в деньгах». Так, прагматизм Д. Дьюи помогает Д. Старку показать, что

результаты оценивания могут объективироваться через раздачу наград (*prize*) и оценок (*appraisals*), похвал (*praise*) и денежных цен (*price*) [Stark 2011]. Процедуры оценивания перформативны, и в этом скрыт ещё один путь конструирования ценности в обществе. Использование модели улучшает её предсказательные способности; при этом предсказательные способности модели и являются индикатором её качества, ценности [Stark 2011].

С вопросом об источнике разных принципов оценки ценности тесно связана проблема количества ценностных порядков, актуальных в тех или иных социальных обстоятельствах. Если ценностные регистры диктуются ситуацией, то их число ничем не ограничено. При этом избыточность, являясь источником дополнительной неопределённости, порождает, как считает тот же Старк, и новые возможности [Старк 2009]. В целом ряде случаев, полагает Старк, проблемой является не существование нескольких принципов оценивания, но, напротив, их дефицит [Старк 2009]. Устойчивость классификационных порядков может мешать адаптации к ситуации, снижать способности реагировать на изменчивость среды.

Однако всё-таки сам акт оценивания нацелен на снижение неопределённости, на стабилизацию порядка. Для реализации действия — того же обмена — важно, чтобы действующие имели схожие представления (*shared understanding*) о том, что в подобной ситуации может представлять ценность [Aspers, Beckert 2011: 14]. И тогда ничем не ограниченная пролиферация принципов оценивания фактически ведёт к абсолютной сингуляризации оцениваемого объекта, тем самым подводя оценивание к черте, за которой калькуляция перестаёт быть возможной [Mennicken, Sjögren 2015: 4].

Методологический выбор на данной развилке должен осуществляться в зависимости от того, в каких организационных контекстах планируется изучать акты оценивания и инфраструктуру калькуляции. Идея Старка о продуктивности неопределённости, возникающей на стыке различных принципов оценивания, всё-таки неотделима от его мысли о гетерархичности некоторых организаций как свойства, рождающегося в ответ на повышенную непредсказуемость среды. Гетерархия — антитеза новому институционализму в организационном анализе, где организация находится в относительно стабильной среде, потому и набор критериев классификации, принципов оценивания, которые в ней применяются, достаточно устойчив. Институциональный подход не исключает возможности появления новых критериев оценивания как в организационном поле, так и внутри организации, но всё же эти преобразования неконтингентны.

Старк выстраивает свою организационную концепцию, развивая идеи теории конвенций, которая предполагает, что у спорящих акторов, в том числе и находящихся внутри комплексно устроенной организации, всегда есть возможность прийти к компромиссу, опереться на принципы эквивалентности, найти точки пересечения мнений. И вместе с тем Старк не соглашается с этой теорией в центральном вопросе, настаивая на том, что целью переговоров необязательно является достижение согласия и в каждой конкретной ситуации обоснование ценности всегда должно осуществляться в пространстве нескольких порядков оценивания [Stark 2009]. В это же время теория конвенций, как отмечалось выше, связывает происхождение ценностей с отдельными смысловыми универсумами, жизненными мирами: ценности каждого из миров видятся значимыми для каждого из спорщиков. Однако в применении к исследованию организаций эта идея размывается, и, как известно из хрестоматийного примера о споре между бухгалтерией и отделом маркетинга, акторы в переговорах всё-таки первоначально опираются на определённую иерархию ценностных порядков. Причём эта иерархия диктуется особенностью их положения в организации, миссией и задачами, за которые они несут ответственность. В связи с этим более продуктивным для изучения множественности ценностных порядков внутри организации представляется подход институциональных логик. Он изначально акцентирует конкурентные отношения между различными принципами оценивания и допускает возможность баланса порядков оценивания

за счёт фактора власти, обеспечивающего временное доминирование одной из систем обоснования ценности. Именно подход институциональных логик используется в данной работе для реконструкции принципов практической классификации происшествий в глазах сотрудников российской полиции.

Подход институциональных логик берёт своё начало в работе Роджера Фридланда и Роберта Элфорда «Возвращая общество: символы, практики и институциональные противоречия» (1991 г.), опубликованной в сборнике «Новый институционализм в организационном анализе» под редакцией Уолтера Пауэлла и Пола Димаджио (см.: [Friedland, Alford 1991]). Сборник посвящён организационному анализу, а исходный запрос на подход институциональных логик возникает у авторов в связи с анализом радикально настроенных религий и поиском ключевой институциональной логики, которая могла бы, в духе идеи М. Вебера о протестантской этике и духе капитализма, объяснить происходящее в европейском обществе в XX веке [Friedland 2012]. Однако, как только эти идеи подхватываются организационным анализом, предположение о существовании единой институциональной логики, способной объяснить происходящие в организации практики, подвергается критике. Основное условие, в котором действуют современные организации, тяготеет к тому, что называется институциональной комплексностью (организационной комплексностью в версии Болтански и Тевено), то есть к сосуществованию различных институциональных логик и способов балансирования акторов между ними. В то же время на уровне эмпирических исследований пока больше внимания уделялось динамике институциональных логик в различных сферах, и чаще всего — переходу от профессиональных оснований деятельности к менеджерально-рыночным, нежели тому, как различные логики, во-первых, операционализируются на практике, а во-вторых, могут соотноситься между собой [Friedland 2012].

Современные организации функционируют в условиях институциональной комплексности. Их деятельность многомерна и требует привлечения различных институциональных акторов, которые, в свою очередь, привносят собственные институциональные логики. При этом если одни исследователи считают, что успех организации связан с выстраиванием компромиссов между сосуществующими здесь институциональными логиками [Болтански, Тевено 2000], то другие настаивают на том, что институциональные логики всегда находятся в конкуренции друг с другом и баланс возникает на этапах, когда одна из логик временно становится доминирующей и некоторое время преобладает в организации, тем самым укрепляя её целостное представление о собственной миссии на внешнем и внутреннем планах [Скотт 2007]. Институциональные логики, таким образом, описывают особые констелляции правил, ролей, интерпретаций и практик, обретающих легитимность за счёт направленности деятельности на поддержание порождающих их ценностей [Friedland 2012: 585]. Интересы различных типов акторов в таком свете оказывается невозможно постичь без понимания того, как эти акторы трактуют ситуацию.

Развитые в организации системы оценивания связывают содержание институциональных логик с системами управления, указывая определённым акторам на последствия выбора тех или иных линий поведения в тех или иных обстоятельствах. Система оценки деятельности любой организации задаёт трактовки её целей, миссии, принципов и стандартов деятельности. В идеале система оценки деятельности представляет собой систему сигналов для сотрудников, транслирующих ценности организации и ожидания по отношению к её представителям.

Таким образом, при описании различных институциональных логик принципиально важным представляется обращать внимание на следующие элементы:

- на реализацию какой функции ориентированы институциональная логика и связанные с ней критерии оценивания? На решение какой содержательной задачи эта логика ориентирована, и каковы системы убеждений, которые из неё вытекают?

- кто из институциональных акторов организационного поля является проводником данной логики, и каковы его позиции во властной структуре данного поля?
- какие институциональные инструменты, связанные с логикой критериев оценивания, закреплены в организационном поле? Каковы транслируемые ими правила, и какими санкциями они поддерживаются?

Поиск ответов на поставленные вопросы позволяет выявить заданные различными институциональными логиками режимы оценивания и тем самым приблизиться к пониманию критериев, при помощи которых «привлекательность» происшествия определяется полицейскими в России.

Четыре логики принятия решений полицией: эмпирические результаты исследования

В разрозненном виде установки, диктуемые российским полицейским отдельными ценностными системами, проблематизировались в литературе (см., например: [Панеях, Титаев 2011; Гладарев 2012; Бердышева 2013]). В данном разделе предпринимается попытка целостно описать топологию институциональных логик, актуальную сегодня для сотрудников российской полиции, и от констатации множественности значимых ценностных систем перейти к анализу их соотнесённости друг с другом. Сама топология при этом возникает на стыке теории и эмпирики.

Ведомственная институциональная логика: «государева служба»

Ведомственная логика отсылает нас к государствообразующей функции института полиции как органа, которому, с одной стороны, делегировано право на применение легитимного насилия с целью поддержания господствующего политического порядка, а с другой — вменены обязательства по обеспечению безопасности населения, без которой невозможна легитимность действующей власти. Достижения в этой логике фиксируются при помощи формальных оценок сотрудников в соответствии с системами государственной оценки их деятельности, а также в форме, выраженной в деньгах официальной заработной платы, начисляемой с учётом качества достигнутых формальных показателей.

По мере развития обществ и накопления ими «юридического капитала» системообразующая потребность в полиции как органе реализации насилия снижается [Бурдьё 2005]. Тем не менее в современном обществе именно полиции вверяется функция реализации социального контроля. Существуют два подхода к определению принципов деятельности полиции. Первый предполагает, что полиция является карательным органом, представляющим государство (*punitive approach*). Второй подход концептуализирует полицию как общественный орган, служащий интересам общества. Несмотря на то что в первом случае интересы общества также формально приоритетны в рейтинге целей полиции, содержательно и практически он разительно отличается от ситуации, когда полиция существует «для людей» (*police for people*).

История российской полиции восходит к Разбойным приказам XVI–XVII веков — органам управления, функция которых, как известно, состояла в борьбе с разбоями. Далее, как следует из исторических источников, все реформы полиции последовательно вели её к централизации и подчинённости задаче защиты создаваемого государственного порядка (см.: [Малыгин 2001; Уваров 2013]). Список функций, записанных за правоохранительными органами, очень разветвлён. В качестве основных оцениваемых направлений деятельности полиции выделяются следующие: регистрация, учёт и разрешение заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях; профилактическая деятельность; выявление преступлений; раскрытие преступлений; розыск лиц; предварительное следствие; дознание; обеспече-

ние общественного порядка, общественной безопасности и безопасности дорожного движения; оказание государственных услуг населению. И тем не менее оценки эффективности деятельности этой профессиональной группы выстраиваются в первую очередь по критерию борьбы с преступностью. Скорее всего, потому, что рост уровня преступности наносит урон легитимности действующей государственной власти.

Требования и ожидания государства в отношении правоохранительных органов закапсулированы в формальной системе оценки эффективности их работы, встроенной в полицейскую практику.

Поиском оптимальной системы измерения и оценки деятельности правоохранительных органов российская система МВД активно занимается на протяжении последних 35–40 лет [Бунов 2011]. И, несмотря на то что одним из ключевых направлений реформирования полиции в 2010-е гг. был пересмотр системы оценки эффективности её деятельности, основой для оценки деятельности полиции по-прежнему остаётся формируемая самой полицией статистическая отчётность, отражающая главным образом уровни преступности и раскрытия преступлений.

Базовым инструментом формирования полицейской отчётности и, что более важно, внутренней оценки эффективности деятельности сотрудников полиции является система АППГ + 1, где АППГ — аналогичный период прошлого года, а «+ 1» означает, что динамика — положительная или отрицательная — показателей по каждому из направлений по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составляет основу для выводов об эффективности деятельности. По части показателей системой ожидается положительная динамика, по части — отрицательная или нулевая в зависимости от того, о каких показателях идёт речь. При любой динамике сотрудникам приходится помнить, что оцениваемые относительно прошлого периода показатели текущего года становятся, в свою очередь, основой для построения оценок в будущем. В повседневной деятельности полицейских система АППГ + 1 носит неформальное название «палочная» (чёрточки за законченные дела в бланках текущей отчётности). Долгое время основным интегративным отчётным показателем в рамках палочной системы был процент раскрываемости преступлений. Особый приказ № 25 по реорганизации милиции в полицию, принятый в 2011 г., ввёл в оборот такой показатель качества работы полицейских, как выполнение прогнозов. В новой системе окончательно была оформлена идея о том, что показатели работы со временем должны постоянно улучшаться. При этом, с учётом того, что в обязанности полицейских входят ещё такие задачи, как профилактика и предотвращение преступлений, темпы этих улучшений весьма велики, ведь число раскрытий должно постоянно повышаться на фоне параллельного (опять же постоянного при условии качественной профилактики и предотвращений) сокращения числа случившихся преступлений.

Взятый ещё советской милицией курс на приоритет количественных показателей по отношению к качеству сохраняется до сих пор. Сотрудники настаивают на том, что на практике существенных изменений по этому направлению не происходит:

Общался со многими ребятами; все одно говорят: палки, палки, палки!!!!!! Не знаю, у кого как по службам, раньше помню с УУМ (Участкового уполномоченного милиции. — Е. Б.) требовали пять протоколов по АП (Административному правонарушению. — Е. Б.) в месяц, сейчас с них (по крайней мере, у нас) требуют по одному в день, то есть порядка 30 в месяц (интервью, Вадим, отдел МВД, 2015 г.).

Основная версия, объясняющая устойчивость существующей системы оценивания, сводится к тому, что она является проблематичной на уровне операционной, практической деятельности полицейских, но при этом вполне успешно обслуживает потребность в вертикальном управлении централизованной полицейской организацией:

Планы адмпрактики (Административной практики. — Е. Б.) идут от начальства. Министр в конце года спросит со своих генералов результаты работы. И чтобы не получить за что-нибудь, они постараются, чтобы был плюсовой показатель (интервью, Дмитрий, майор, 2015 г.);

Моё мнение: планы и палки — атавизм коммунистического прошлого, суть которого: мне наплевать, как ты работаешь, мне нужен механизм манипуляции, чтобы ты на призыв «Надо!», не раздумывая, всегда отвечал: «Есть!» (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников МВД РФ, 2016 г.).

Система АППГ + 1 призвана измерять эффективность деятельности полиции на разных уровнях — отдельного сотрудника, отдела, отделения и т. д. Движение между макроуровнями и микроуровнями осуществляется коррекцией плана работ на численность подразделения. Данные статистической отчетности составляют основу для поощрения и наказания сотрудников. При этом и пряники, и хлысты реализуются через механизм заработной платы, которая, как и во многих других государственных учреждениях, имеет разветвленную структуру. Выплата служащим в рядах органов внутренних дел сейчас регулируется согласно приказу МВД РФ № 65 «Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» от 31 января 2013 г.⁵

Заработная плата сотрудника полиции состоит из должностной ставки и оклада за звание. Размер должностной ставки зависит как от занимаемой должности, так и от месторасположения полицейского участка и нагрузки на него. Служба в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях предполагает увеличение оклада на 10%. Бюстители правопорядка также получают надбавку за выслугу лет: 10–40% к должностному окладу в зависимости от срока службы.

Надбавки за квалификационное звание (специалист первого, второго, третьего класса), особые условия службы, за работу с информацией, представляющую государственную тайну, также увеличивают уровень официальной заработной платы. Более того, в состав заработной платы работника МВД входят премии и различные поощрительные выплаты, то есть выплаты за особые достижения по службе; а также премирование за добросовестное выполнение должностных обязанностей.

Премирование за добросовестное выполнение должностных обязанностей начисляется из расчёта три оклада денежного содержания в календарный год. Эта сумма выплачивается служащим дозированно, каждый месяц из расчёта 25% от суммы зарплаты, установленной сотруднику по состоянию на 1-е число того месяца, за который делается выплата.

Выплата или невыплата тех или иных составляющих заработной платы полицейского зависит от показателей, фиксирующих качество его работы. Дополнительные выплаты и должностные оклады служащим органов внутренних дел назначаются, а также изменяются приказом руководителей соответствующих подразделений.

Цели, заданные ведомственной институциональной логикой, сказываются на восприятии ценности различных происшествий российскими полицейскими за счёт того, что палочная система контролирует структуру и темпы работы над правонарушениями:

Тем, кто работает на линии, нужно принести определённое количество протоколов, и если их не принесут, то будет не очень хорошо. Я присутствовал на одном из «разводов», то есть

⁵ См. подробнее: URL: <http://base.garant.ru/70375922/#ixzz4H69jle9A>

на встрече, где тебе дают задание, типа: ребята, вы должны принести каждый там по три протокола с участием мотоциклистов, на что, собственно говоря, [последовал] вопрос из зала одного из сотрудников: «А как же мы их принесём, мы их остановить не можем», — на что был дан ответ, типа: «Ребята, а палка вам на что?» (интервью, Вадим, отдел МВД, 2011 г.).

В зависимости от социополитической ситуации в стране акцентируется интенсивность работы полиции над теми или иными преступлениями:

Ценность разных статей уголовных дел различна. Если в этом году требуется бороться с определёнными преступлениями руководством МВД, то эти статьи имеют больший вес относительно других... Соответственно приоритет отдаётся... То есть палочки — они не одинаковые, палочки имеют разный вес (интервью, Игорь, полковник в отставке, 2010 г.).

Сталкиваясь с тем или иным происшествием в контексте ведомственной логики, полицейские оценивают, имеет ли преступление потенциальный социальный резонанс или политическую подоплёку. Не менее важным для них является то, какой вклад работа над этим преступлением вносит в показатели, которых необходимо достигнуть; насколько его содержание соответствует разрядам, спущенным сверху:

Естественно, курс начальство задаёт: сегодня пьяных пишем, завтра — хулиганов, послезавтра — по торговле и т. д., сами знаете. Я к чему веду: участковый по протоколам таким образом выполняет уже норму сотрудника ППС (Патрульно-постовой службы. — Е. Б.) среднего города!!! А что будет дальше? А ведь УУП и палки должен приносить, не говоря уж о материалах... (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников МВД РФ, 2015 г.).

Проверочные мероприятия по зарегистрированному происшествию должны быть проведены сотрудниками в рамках строго ограниченного времени. Для любого правонарушения существует срок исполнения, за который сотрудники обязаны оценить наличие состава преступления и принять правовое решение. Ответственность не только за качество проведённой проверки и обоснованность принятого решения, но и за соблюдение сроков лежит на сотрудниках. В результате правонарушения, поступающие в ведение полиции, начинают оцениваться в ракурсе вероятности успешного в плане статистической отчётности их разрешения. Как следствие, работа ведётся в первую очередь над делами, по которым возможно быстрое достижение положительного результата.

Шансы на раскрытие, причём в формально отведённые для этого сроки, — эвристический показатель, оценки которого полицейскими напрямую влияют на судьбу попавшего в их ведение дела. Регистрация «висяков» или «глухарей» либо максимально откладывается до лучших с точки зрения статистики времён, либо актуализирует ценностные порядки, выходящие за пределы ведомственной логики.

В отношении же «выгодных» с точки зрения отчётности преступлений работникам полиции «нужно» действовать осторожно. Ведь в соответствии с системой АППГ + 1 сегодняшний хороший результат — основа для более высокого «плана» в будущем:

План регулярно нужно валить!!! Тут стахановцем быть не стоит (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников МВД РФ, 2013 г.).

Таким образом, ведомственная логика порождает в российской полиции плановую экономику «палок» — единиц статистической отчётности, позитивная динамика которых по сравнению с предыду-

щим годом позволяет полицейским рассчитывать на то, что их официальная оплата труда, состоящая из постоянного мизера (ставка) и набора переменных — премиальных — доплат, будет выплачена в максимально возможном объёме. Сюда же интегрирована система сдерживания активности полицейских в раскрытии преступлений, так как в соответствии с системой АППГ + 1 сегодняшний хороший результат — основа для более высокого «плана» в будущем.

Клановая логика: «у нас в отделе...»

Клановая институциональная логика в деятельности российских полицейских отсылает к лояльности каждого сотрудника отделу полиции, в котором он служит. Достижения в данной логике вознаграждаются формальными и неформальными поощрениями со стороны начальника, а также вносят вклад в укрепление солидарности внутри отдела благодаря совместно достигнутому порядку на вверенной территории.

Коллективы подразделений российской полиции сегодня выстроены как мини-кланы, внешние и внутренние границы которых удерживаются авторитетом начальника.

Любая деятельность полицейских осуществляется с ведома начальства и выстраивается коллективно. Система требует от сотрудников беспрекословного подчинения начальству. Сомнения в обоснованности решений начальника жёстко пресекаются:

Пословица «Я — начальник, ты — дурак» для описания нашей жизни подходит идеально. Если ты критикуешь начальника — возбуждаешь социальную вражду. Между подчинёнными и руководителями... (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников МВД РФ, 2013 г.)

В полиции начальник несёт ответственность за деятельность своих сотрудников, причём личную. Дорога к увольнению начальника вымощена нарушениями его подчинённых (как следствие, провокации в отношении сотрудников могут становиться, и иногда становятся, способом смены начальства, средством «клановых войн»). Так, в 2012 г. в России за различные проступки подчинённых из органов внутренних дел были уволены более 1700 руководителей⁶. В то же время, в случае если нарушение подчинённого не ставит под угрозу позицию вышестоящего звена, именно начальник способен защитить его даже от серьёзных неприятностей.

От начальника зависит как возможность работать в системе, так и реальная заработная плата каждого отдельного полицейского.

Разлад с начальником, независимо от причины, зачастую означает, как минимум, переход в другое подразделение или даже уход из правоохранительных органов:

Знакомая рассказала, что пришла на собеседование к нач[альнику] МОБ (Милиция общественной безопасности. — Е. Б.) по поводу устройства дознавателем. Он ей прямо в лоб: мол, будешь со мной «дружить», получишь меньше дежурств, перспективные дела и пр[очие] привилегии, а если нет, завалим материалами и т. д. (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников МВД РФ, 2012 г.)

В функционал начальников входит и распоряжение бюджетом отдела, в том числе (как будет показано далее) и неформальной его частью:

⁶ Из интервью с главой МВД В. А. Колокольцевым; см.: URL: <http://ria.ru/society/20130210/922151468.html>

Он может лишит надбавок, может повесить выговор, чтобы премии потом не давать (интервью, Влад, участковый, 2010 г.).

Способствует развитию клановой логики в российской полиции и то, что деятельность большинства полицейских подразделений жёстко привязана к определённой территории. Территориальная привязанность является фоном для усиления внутригрупповой солидарности внутри отдела, превращения последнего в «коллектив». Фактически здесь включается различие «свое — чужое», традиционный драйвер формирования сообществ. Территориальность работы полицейских придаёт ей моральное измерение, переводит контроль и спокойствие на «своей земле» в термины хорошо проделанной работы:

В городе, как грибы, растут законные и незаконные точки по продаже салютов, поступает море жалоб от граждан. Кто как борется с ними? Особенно интересуют домушники — те, кто торгует с квартир, штрафы за это космические, начальство сказала разобраться. Работал, знаю тему. Особенно меня бесило, когда детям малым мощные изделия барыги продавали. Лишь бы бабло срубить. Очень плохо было таким продавцам... (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2015 г.).

Удовлетворение благодаря коллективно достигнутым результатам способно выступать значимой мотивацией полицейских. Возможность опереться на коллектив, ориентироваться на фигуру начальника оказывается мотивационным ресурсом, выходящим за границы формального стимулирования:

Раньше прежде всего уважали своих начальников, а они этого заслуживали. Это был один из поводов работать, не оглядываясь на свои права (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2014 г.)

Таким образом, при оценке ценности правонарушений в русле клановой логики принципиально важным оказывается следующее: во-первых, насколько работа над данным делом соответствует задачам, поставленным перед отделом начальником; во-вторых, насколько работа над данным делом позволяет обеспечить отчетные показатели отдела; в-третьих, насколько работа над данным делом важна с точки зрения удержания порядка на вверенной отделу территории.

В целом же клановая институциональная логика призывает полицейских к беспрекословной лояльности отделу и особенно начальнику в обмен на благорасположение последнего, повышение шансов на получение в разработку перспективных дел и, как будет показано далее, возможность участия в неформально оплачиваемом силовом предпринимательстве.

Квазирыночная логика: «не служить, а зарабатывать»

К ситуациям, когда полицейские принимают рабочие решения с расчётом на извлечение материальной выгоды, отсылает квазирыночная логика. В этом случае происшествия, правонарушения, преступления обретают ценовое измерение.

Почему для обозначения данной логики видится необходимым использование приставки «квази-»?

На протяжении последних трёх десятилетий одним из лейтмотивов и публичных, и научных дискуссий о российской полиции является соображение о том, что сотрудники постсоветской правоохранительной системы отказались от следования общественному долгу в угоду личным материальным интересам, максимизируемым через эксплуатацию властного ресурса [Коленникова, Косалс, Рывкина 2004; Дубова, Косалс 2012]. Установка на извлечение финансовой выгоды из должностных полномочий —

это то, что теоретически в полицейской организации не должно было возникнуть ни при каких условиях, то есть инверсия, маркирующая полицейских как «оборотней в погонах».

В соответствии с ч. 4 ст. 34 Федерального закона № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011), или, как обычно говорят респонденты с «законом о запрете на подработки», сотрудники правоохранительных органов не имеют права работать по совместительству нигде, кроме педагогической, научной и творческой областей. Нарушение данного запрета автоматически запускает дискурс о нарастающей коммерциализации и коррумпированности этого института. И хотя к настоящему моменту контуры коммерциализированной деятельности российских полицейских изменились по сравнению с началом 1990-х гг. [Maksimova, Kosals 2013], отрицать распространённость неформальной экономической деятельности в полицейской среде пока нельзя.

Сильным аргументом в пользу нормализации квазирыночной логики, без которой невозможна её имплементация, стало недофинансирование, имевшее место в 1990-е гг., за которым российские полицейские — обоснованно или ища оправданий — видели негласный контракт с государством.

Использование государством подобных негласных контрактов не является инновацией. В 2000 г. Януш Корнаи продемонстрировал этот механизм на примере здравоохранения, показав, что весьма умеренные заработные платы врачей в Венгрии являлись результатом целенаправленной политики государства: оно считало широкое распространение неформальных платежей наименее болезненным решением для экономики [Kornai 2000: 4]. Валидность идеи Корнаи обретает реальные очертания, когда в ходе интервью с российскими полицейскими выясняется, что они воспринимают свою низкую зарплату не как беду, с которой нужно либо мириться, либо бороться, а как негласное подтверждение их права на неформальные подработки:

Чем правоохранительная система отличается в нашей стране, так это тем, что приходится добирать себе зарплату, приходится искать приработок (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2011 г.).

Недофинансирование воспринималось как намёк на то, что государство ожидает: полицейские не просто прокормят себя сами, но ещё за собственный счёт будут содержать правоохранительную систему в стране. Примеры того, что производственные издержки ложатся на плечи сотрудников, долгое время были многочисленными:

Коллеги, понимаю, что это происходит повсеместно, я регулярно, как и все, приобретаю канцтовары,правляю картридж принтера (который, естественно, купила сама), покупаю бумагу и прочее, но всему наступает предел. После очередных «сладких» речей начальник ОПа (Отдел полиции. — Е. Б.) УМВД России по г. <...> Тупняков на вопрос: «Почему нас не обеспечивают необходимым?» — сказал: «Не жалуйтесь, у вас достойная зарплата... Не обещаете» (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2013 г.).

Способствовало нормализации неформальной экономической деятельности и искажение трактовки законодательной статьи о запрете на подработки. На практике он интерпретируется полицейскими как запрет на подработки деятельностью, не связанной с правоохранительной. Признавая, что полицейским нельзя заниматься частным извозом или работать в частной охране, сотрудники склоняются к мысли, что запрет на подработки за пределами системы не означает реального запрета на подработки внутри самой системы, особенно если это не мешает выполнению прямых обязанностей:

Они ж и не зарабатывают на стороне. Они берут вознаграждение за какие-то неформальные действия, санкции... Полицейские должны деньги зарабатывать с помощью выполнения непосредственно своих обязанностей. И работать непосредственно на своей должности. Кузнец должен зарабатывать деньги тем, что он хорошо делает свою работу, к нему идут там... заказывают. Повар зарабатывает тем, что он хорошо готовит, к нему приходят и кушают с удовольствием. А мент должен зарабатывать тем, что он должен хорошо преступников ловить и в тюрьму их сажать» (интервью, Арсений, оперативник, на пенсии, 2010 г.).

В России неформальная экономическая деятельность сотрудников полиции, скорее, носит системный характер, как минимум, потому, что всегда осуществляется с ведома начальства. Неформальные платежи за спиной начальника — это дополнительные риски как для начальника, так и для самого сотрудника, за которого, кроме начальника, некому заступиться.

Масштабные неформальные денежные потоки также организованы вертикально, и пороговые рубежи охраняются высокопоставленными сотрудниками. Так что там, где сотрудник делает выбор в пользу получения денег вместо выписывания протокола, вырученные средства едва ли направляются в его личный карман: в дело опять вступает план, правда, на этот раз финансовый.

Всё зависит от того, какая у них ёмкость чемодана, насколько она велика. Или выполнили ли они уже свой суточный план и насколько (интервью, Арсений, оперативник, на пенсии, 2010 г.).

Таким образом, приказной и коллективный характер участия в неформальных экономических сделках обеспечивает критическую массу аргументов, оправдывающих обращение российских полицейских к прибылеориентированной логике.

При анализе квазирыночной логики есть возможность обратиться к наработкам теорий оценивания, сделанным в ходе исследований маркетизации благ. В этом контексте принципиальное значение имеет вопрос о том, идёт ли речь об оценивании стандартизованных благ, или проблема оценивания возникает в ходе движения благ сингуляризованных. Полномочия российских полицейских делятся на три группы: бюрократически-лицензионные, социально-сервисные и репрессивно-надзорные [Гладарев 2011].

В случае бюрократически-лицензионной деятельности полицейских можно говорить о потоке стандартизованных операций, коммерциализация которых по своему формату достаточно близко приближается к рыночному, если понимать под рынком «регулярные, опосредованные главным образом деньгами, взаимовыгодные и добровольные с точки зрения обеих участвующих сторон» сделки [Радаев 2006: 27; 2007: 17]. До недавнего времени ярким примером такой деятельности могли считаться покупка водительских удостоверений или решение вопросов, связанных с регистрацией в ГИБДД технических средств. Стоимость подобных неформальных услуг была фиксированной. Оплачивающие данные услуги граждане экономили силы и время на прохождении соответствующих проверок.

Особняком стоят практики, связанные с силовым предпринимательством. Это работа по обеспечению безопасности и разрешению споров, которая и без того входит в обязанности полицейских, но материально стимулируется бизнесменами на реципрокных основаниях или в форме незначительной абонентской платы:

Просто, если я, будучи коммерсантом, позвоню в дежурную часть, я этого приезда буду ждать... Быстрее сам решу свою проблему. А так я просто звоню «другу», который тут же направляет ко мне машину (интервью, Сергей, участковый, 2010 г.).

Что касается социально-сервисных и репрессивно-надзорных функций, то они коммерциализируются, скорее, по модели сингулярных благ, где каждая из сделок является эксклюзивной и нет чётко выстроенных механизмов определения цены.

Примером подобной практики могут быть, например, переговоры по поводу возможности развала уголовного дела. И условия сделки, и её цена оказываются договорными и зависят от множества факторов: важны личность, должность, социальный статус и правонарушителя, и его посредников, степень серьёзности их контактов в полиции. Особую роль играют степень тяжести совершённого преступления, общественный резонанс, связанный с таким типом преступлений, потенциальная опасность обвиняемого (определяемая полицейскими по своему опыту) и многое другое. Цена эксклюзивной сделки просчитывается начальником подразделения:

Он — начальник, он знает, сколько будут стоить затраты на производство подобного вида расследования. Какой человеческий ресурс, какой административный ресурс, какой материальный ресурс потребуется... (интервью, Арсений, оперативник, на пенсии, 2010 г.).

Ключевым фактором ценообразования в данном случае оказывается «длина цепочки», то есть число сотрудников, вовлечённых в расследование (если требуется закрыть дело), или тех, которых необходимо к нему привлечь.

Таким образом, квазирыночная институциональная логика, взращённая в ходе буйной коммерциализации полиции в 1990-е гг., таит в себе шансы на получение полицейскими дополнительного денежного заработка за выполнение (а иногда, наоборот, за невыполнение) своих непосредственных рабочих обязанностей.

Профессиональная логика: «от Москвы и до Карпат опер оперу друг и брат»

Профессиональная логика в деятельности полицейских обобщает целый ряд установок сотрудников правоохранительных органов, связанных с пониманием субстантивных задач и нормативных оснований своей деятельности. Ключевой ценностью является реализация сотрудниками собственного призвания, и именно в свете того, насколько работа над тем или иным делом способствует этому, происходит оценивание.

С социологической точки зрения о сформированности профессиональной группы можно говорить при наличии таких составляющих, как взаимная идентификация и ощущение принадлежности на основе сходства деятельности, ведущее к установлению органической солидарности между членами этой группы, особые знания и навыки, из которых вытекает профессиональная власть, основанная на компетентности, профессиональная этика, профессиональная автономия и претензии на престиж в обществе [Friedson 1988; Abbot 1993; Гадея 2011].

Тесная связь российской полиции с государством, её централизованность, едва ли позволяет говорить о возможной автономности данной группы. Тем не менее Федеральный закон «О полиции» (от 07.02.2011 № 3-ФЗ, ст. 31) не запрещает полицейским объединяться в профсоюзы, формировать профессиональные ассоциации, то есть вполне допускает возможность консолидации полицейских, в том числе ради укрепления своих прав и защиты профессиональных интересов⁷. И на территории России действуют как международные полицейские ассоциации, так и всероссийская ассоциация. Что касается знаний и навыков полицейских, то в России, как и во многих странах Европы (и в отличие от США,

⁷ См.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/

где полицейские образовательные учреждения предлагают лишь программы специализированной переподготовки для лиц с высшим образованием), осуществляется специализированная ведомственная подготовка полицейских, уровень которой теоретически должен приравниваться к уровню дипломов гражданских вузов. В 2013 г. Приказом Министерства образования и науки РФ № 513 «Об утверждении Перечня профессий рабочих, должностей служащих, по которым осуществляется профессиональное обучение» полицейские вошли в данный перечень⁸.

При этом с 2009 г. в России введено правило, в соответствии с которым курсанты ведомственных вузов, обучающиеся на бюджетной основе, обязаны отработать в правоохранительных органах не менее пяти лет после окончания обучения (или вернуть государству деньги, потраченные на обучение). А годом ранее, в 2008 г., Приказом МВД РФ был утверждён кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ, призванный регулировать должное поведение полицейских⁹. И хотя, по данным интервью, сами полицейские относятся к данному документу с иронией, важен факт институционализации полиции в России как профессии.

Советская милиция считалась профессиональной группой, характеризовалась «собственным корпоративным духом и профессиональной этикой, обладающей мощным морально-мотивационным зарядом» [Гладарев 2011: 137]. Однако слом советской правоохранительной системы способствовал размыванию профессиональной идентичности и моральных устоев недавних милиционеров [Shelley 1996]. По сравнению с советским периодом границы профессиональной идентичности российских полицейских меняются. И тем не менее профессиональная идентификация сохраняет своё смыслообразующее значение для сотрудников правоохранительных органов. Ощущение себя полезным дорогого стоит. Полезность же задаётся заострённостью деятельности на борьбе с «отпетыми уголовниками» и накопленным с опытом экспертным знанием в области адаптации идеологически абсолютизированного закона к реальной жизни:

Лично я горжусь тем, что защищал простых людей от воров, грабителей и бандитов (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2013 г.);

Я один раз заглянул в кабинет к старому оперу, так вот, он сидел и по-доброму беседовал с мужичком одним. За жизнь. Когда мужичок ушёл, я поинтересовался: «Знакомый?» Да нет, отвечает, разбойник. Семь лет назад его посадил. Вот освободился, пришёл проведать меня <...> Раньше ТАК работали (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2013 г.).

Контроль правонарушителей и удержание границ между преступными и не преступными деяниями тесно связаны с представлением сотрудников о том, чем в действительности должны заниматься полицейские, в чём заключается ценность их работы.

Основной в шкале оценивания правонарушения в русле профессиональной логики является оппозиция «безобидность — серьёзность». Правонарушения соотносятся с нормами Уголовного кодекса, классифицирующего преступления по степени тяжести. Параметр преднамеренности рассматривается как отягощающий фактор.

Границы профессиональной группы российских полицейских не исчезают. Настроенность бороться с преступностью вкупе со стремлением делать это, оставаясь в правовом поле, позволяет обособиться

⁸ См.: URL: http://base.garant.ru/70433916/#block_1000#ixzz4J6JhR6m4

⁹ См.: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257019/>

от силовых групп. А обладание властными полномочиями, имеющее множество объективированных проявлений, мешает слиться с «гражданскими»:

Я так думаю, есть же жизнь и за пределами полиции, хотя я, если честно, не представляю, как без неё жить, меня все знают как ПОЛИЦЕЙСКОГО, я привык так жить — звонки, проблемы, люди... Вопросы решаются быстро. С принятием решения об уходе ещё не ушёл, а уже всё прекратилось — контакты, люди, связи, звонки... Все махом куда-то исчезли, хотя ещё даже не уволился. Это, конечно, очень тяготит и угнетает (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2014 г.).

Работа в полиции — это не только особый образ жизни, но и профессиональная карьера, этапы которой маркируются получением званий, а финальным рубежом, где оценивается качество пройденного профессионального пути, является пенсия. При этом важно понимать, что полицейская карьера может заканчиваться достаточно рано, если сравнивать с гражданскими специальностями. По выслуге лет органы могут покидать 40-летние люди. И потому пенсия рассматривается не столько в связи с её покупательной способностью, сколько в ракурсе того, насколько она суммирует карьерные достижения. Возможно, так происходит и потому, что, как свидетельствует расхожая дискурсивная формула, «полицейский бывшим не бывает» — в силу ли того, что работа в полиции предполагает, что даже после увольнения можно пользоваться определёнными ресурсами, связанными с доступом в правоохранительную систему, или же потому, что профессиональная идентификация долгие годы определяет образ жизни.

А я уже второй год работаю в банке. Всё меньше и меньше хочется бывать в родных ранее стенах. Всё реже хочется оправдывать нелюбезные поступки сотрудников. Но всё ещё болезненно переношу «ругательные» статьи про милицию в прессе и фразу «менты–козлы» (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2012 г.)

Таким образом, на уровне практики российских полицейских профессиональная логика по своим установкам максимально приближена к субстантивному понятию «служение» и отсылает к внутренней мотивации профессионализма и солидарности со своим «кружком экспертов» [Гадея 2011: 24]. В практической классификации происшествий она высвечивает преступления, получение позитивного рабочего результата по которым становится для полицейских «делом чести».

Четыре логики в одной системе: диссонанс, который не пришлось организовывать

Основным вопросом данной работы являлось то, в каких ценностных координатах российские полицейские оценивают происшествия, правонарушения и преступления, над которыми им приходится работать. Описанные логики дают представление о том, какие параметры оценки могут быть применены. Однако как описанные четыре институциональные логики соотносятся между собой? В какой мере они пересекаются, а в какой противоречат друг другу? Как взаимодействуют между собой при регулировании реального поведения полицейских? В каких ситуациях какая из них побеждает?

Данные предпринятого исследования дают основания предположить, что, хотя между описанными логиками существует условная иерархия, в ряде практических случаев они выступают как система сдержек и противовесов друг для друга и в итоге, действуя совместно, обеспечивают тот продуктивный диссонанс [Stark 2009], который позволяет полицейской организации хотя бы на минимальном уровне удовлетворять интересы всех заинтересованных акторов, не утрачивая легитимности.

Принятие в 2011 г. нового Федерального закона «О полиции» (№ 3-ФЗ) позиционировалось как мера по переходу от репрессивной милицейской организации к полиции, предоставляющей правоохранные услуги населению. Потенциально речь шла о смене модели полицейской деятельности (*policing*) в стране. Но говорить о том, что данный переход состоялся, представляется преждевременным.

Список институциональных логик, направляющих рабочие решения полицейских, возглавляет ведомственная логика. Ориентированная на борьбу с преступностью, она помогает удерживать легитимность действующей государственной власти в глазах населения. Курс на централизацию полиции, взятый ещё в середине XIX века, когда государство экстренно мобилизовывало полицейские силы, опасаясь крестьянских бунтов после отмены крепостного права [Борисов, Малыгин, Мулукаев 2016], до сих пор остаётся актуальным. Любые порывы полицейских — в пользу ли коллективных интересов отдела, профессионального долга или даже дополнительного заработка — могут быть реализованы лишь после того, как будет выполнен «план раскрытия», необходимый для статистической отчётности и напрямую влияющий на законодательно заданные параметры формирования многосоставной и поэтому манипулятивной заработной платы.

На втором месте в иерархии ценностных порядков находится клановая логика. Возможно, из-за того, что в России полицейская организация остаётся милитаристской, подчинение распоряжениям командования, принцип «приказ есть приказ», как свидетельствует и данное исследование, не теряет своей актуальности.

Упрочению позиции клановой логики способствует и скрытая за ней совместная ответственность за территорию, которая закрепляет границы сообщества, что становится опорой для органической солидарности между сотрудниками одного отдела.

Сказанное не означает, что все многочисленные сотрудники российской полиции обязательно приписаны к клану. Отношения с начальником могут быть разными. Там, где они нарушены, как будет показано далее, возникают и риски для клановой логики.

Следующие два места в иерархии делят между собой квазирыночная и профессиональная логики.

Третье место квазирыночной институциональной логики в списке ценностных порядков неслучайно. Эта логика пустила глубокие институциональные корни в российской полиции, в том числе на уровне управленческого звена. Тем не менее поставить прибылеориентированность российских полицейских на более высокое место данные исследования не позволяют. В глазах полицейских получение денег за свою работу всё-таки тесно граничит с должностным преступлением, со взятками, «наглой коррупцией», и потому её применение не является рутинным. Границы применения этой логики тщательно отслеживаются. Они касаются и размера взимаемых платежей, и силы давления, с которой они получены, и характера правонарушения, плата за игнорирование и (или) сокрытие которого принимается полицейским, и баланса выполненных и не выполненных в связи с получением наличных денег должностных обязанностей. Случаи нарушения «меры» содеянного кем-то из полицейских привлекают внимание службы внутренней безопасности: «*На особо зарвавшихся пепсов есть ОСБ*» (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2012 г.). Тех, кто считает, что получение денег вопреки рабочим обязанностям может осуществляться автоматически, в открытую «*торгует ксивой*» (интервью, Дмитрий, майор, 2015 г.), система выдавливает.

Проблему коррупции российские полицейские обсуждают как нечто внешнее по отношению к своей деятельности. Взятничество, под которым полицейскими в основном понимается злостное нарушение

ние должностных обязанностей в индивидуальном порядке и за очень большие деньги, скорее, не находит одобрения; неформальные практики, основанные на вымогательстве, и вовсе осуждаются.

К тому же реформы полиции, реализованные в последнее время, были результатом серии публичных скандалов («дело Евсюкова»¹⁰, «Обращение Дымовского к В. Путину»¹¹), связанных с оппортунистическим поведением российских полицейских. Таким образом, реформа совпала с тенденцией к усилению служебных проверок в полиции, что сделало участие в неформальной экономической деятельности более рискованным и стигматизированным.

Хотя результаты данного исследования позволяют говорить о том, что полицейские предъявляют запрос на профессиональное признание, целый ряд тенденций в постсоветский период указывает на то, что профессиональная логика в российской полиции очень уязвима.

Кадровые чистки в ходе недавней реформы способствовали уменьшению числа опытных сотрудников, «выходцев старой школы». Это сказалось на возможности ретрансляции профессиональных ценностей:

Куда делись любовь к Родине и самоотверженность в обновлённой и отреформированной полиции? Они в основной своей массе ушли с теми, кто был невыгоден начальству, так как спина была заточена не под тем углом, чтобы поклоны бить. Только оперов до реформы по нашему округу раза три «чистили». «Поколение next» уже учат быть более «разумными». Вот и меняются понятия... (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2013 г.)

Кренился профессиональная логика полицейских и в связи с инфляцией в области символического оценивания профессиональных достижений:

Да, звания обесценились напрочь. Раньше хозяин СИЗО с лимитом наполнения в 3200 человек и личным составом в подчинении в полтысячи человек, седой, сожравший зубы на цифире — потолок-подполковник¹²... Щас Вася Пупкин из пресс-службы — генерал-майор с целым Управлением в штате... (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2014 г.)

На смену старой гвардии пришли молодые кадры, отличающиеся, помимо прочего, юридической подкованностью, что даёт им дополнительные аргументы во взаимоотношениях с начальством.

Юридическая грамотность обновлённого личного состава сделала возможным и в условиях трудностей полицейской службы отстаивание индивидуальных прав сотрудников, то есть в пределе ещё и разобщила коллектив. Так, вместе с нанесением урона взаимоотношениям управляющего и рядового состава под удар попала и интегрированность полицейского братства:

¹⁰ Дело Евсюкова — уголовное дело по обвинению бывшего майора милиции Дениса Евсюкова, открывшего стрельбу в московском супермаркете в ночь на 27 апреля 2009 г., в двух убийствах и 22 покушениях на убийство, а также в незаконном владении оружием и боеприпасами.

¹¹ Майор МВД РФ А. А. Дымовский является лидером общественного движения за реформу правоохранительных органов «Белая лента». На личном веб-сайте (www.dymovskiy.ru) 5 ноября 2009 г. он опубликовал два видео, содержащих обращение к В. В. Путину и включающих описание различных недобросовестных практик, в том числе коррупционных, реализуемых сотрудниками российских правоохранительных органов. По итогам обращения в органах МВД РФ была реализована серия служебных проверок.

¹² То есть выслуживший свой максимум.

Нет коллективов с большой буквы — огромная потеря с тех славных времён... (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников полиции РФ, 2015 г.).

Количественные исследования указывают, что лишь около 13% российских полицейских могут быть отнесены к группе полицейских по призванию. У этих сотрудников ярко выражены желание приносить пользу обществу и стремление брать на себя ответственность в работе. Они настроены профессионально развиваться, применять имеющиеся и приобретать новые знания и навыки, проявлять инициативу. Среди таких сотрудников высокая доля тех, для кого профессия полицейского — призвание: помимо стремления принести пользу обществу, для них работа в полиции является семейной традицией и важен интерес к содержанию работы [Максимова 2013: 141].

Описанные институциональные логики упорядочены друг относительно друга. Однако каждая из них имеет слабые места, что расширяет репертуар возможных решений со стороны сотрудников полиции. Когда в пределе цели деятельности, диктуемые разными логиками, оказываются близкими по сути, это ведёт к продуктивному на уровне системы пересечению различных логик, в противном случае — ставит российских полицейских перед лицом ценностных конфликтов.

Примером сочетания действия разных институциональных логик может быть ситуация, когда раскрытие резонансного преступления позволяет полицейским набрать очки по всем шкалам ценности, то есть вносит положительный вклад и в отчётность, и в отношения с начальством, и в групповую солидарность с отделом, и в профессиональную репутацию сотрудников. Звёздочки на погонах — значимая отметка и по ведомственной, и по клановой, и по профессиональной шкале.

Если допустить, что до недавнего времени государство действительно негласно готово было перераспределить издержки содержания правоохранительной системы в том числе в пользу её клиентов, то ситуации оплачиваемого силового предпринимательства, несмотря на свой неформальный и незаконный характер, тоже могут расцениваться как обладающие эффективностью.

Сотрудники съездили по вызову, привезли злодея, по протоколу его допросили. Ещё и палку срубили. У меня (коммерсанта) официальная жалоба (заявление пишу) на то, что происходит (интервью, Влад, участковый, 2011 г.).

Не всегда получение денег полицейскими означает, что правонарушитель ушёл от наказания. И в этом смысле преодоление преступности — задача, которая под разным соусом подаётся и в ведомственном, и в клановом, и в профессиональном ключе. С учётом большой легитимности этих трёх логик в глазах сотрудников, даже в случаях, когда урегулирование происшествия осуществляется посредством денег, речь необязательно идёт об элиминировании необходимых санкций. Скорее, полицейские берут на себя задачу выстраивания баланса интересов между виновником и пострадавшим в случаях, когда, по их профессиональному мнению, это возможно. Показательным в данном контексте является следующий реальный случай. В результате ДТП между водителями, один из которых — пожилой человек, а другой — юноша, следовавший за покупками вместе с родителями, завязывается драка. Пожилому человеку, который при этом не виноват в ДТП, наносится травма средней тяжести, повлёкшая медицинскую операцию. Расследование ситуации однозначно указывает на виновность юноши, родители которого предпринимают усилия, чтобы спасти его от тюремного заключения. На определённом этапе расследования со стороны обвиняемого выдвигается предложение решить вопрос «полюбовно», выплатив материальную компенсацию потерпевшему, и тот соглашается при условии, что юноша будет отправлен на принудительное лечение в психиатрическую клинику как склонный к аффективным действиям. Очевидно, что приостановка и закрытие дела на таком этапе требует материальных затрат от обвиняемого. Таким образом, вся ситуация разрешается при помощи денег. Можно ли говорить, что нарушитель не

понёс наказание? Можно ли говорить, что потерпевший столкнулся с давлением и был вынужден взять деньги? Можно ли говорить, что полиция проигнорировала случай правонарушения как таковой? Пожалуй, складывается ситуация, когда путём смягчения жёсткого закона при помощи полицейских был выстроен альтернативный консенсус, некая бытовая форма правосудия между сторонами.

Нехорошей считается взятка — отпустить преступника за деньги. Вот если преступник договорился с потерпевшим, это другое дело. Здесь очень тонкая грань. Средняя полицейская мораль считает, что если никто не пострадал, то деньги взять можно. Хотя при этом есть полицейские, которые подкидывают наркотики, потом сами вымогают деньги, но это считается нехорошо. Если, правда, человек был бы виноват, то тогда это нормально (интервью, Вадим, отдел МВД, 2011 г.).

За кажущейся благостностью описанной в примере выше картины скрывается ещё одно различие, сделавшее подобное разрешение ситуации возможным. Речь идёт о факторе силового давления на участников. В описанной ситуации отсутствие такого давления позволило выйти из ситуации с внесением неформального платежа. Для занятых в деле полицейских эти деньги стали заработком «с чистой совестью». В случае же, когда деньги полицейским платят под давлением с их стороны, платёж классифицируется как вымогательство и осуждается.

Квазирыночная логика удерживается в рамках за счет профессиональной и ведомственной и попутно решает задачи, поддерживаемые ими.

При этом условием для реализации квазирыночной логики является её подчинённость клановой.

Как уже было сказано, масштабные денежно ориентированные сделки не могут осуществляться без ведома начальства. Начальники выступают медиаторами, обеспечивающими встречу спроса и предложения на неформальные услуги полицейских. В том числе и потому, что именно руководитель отдела, управления и т. д. (в зависимости от серьёзности дела) является информационным центром, благодаря которому «решение вопроса за деньги» не приведёт к системному сбою, не вступит в противоречие с другим отделом или управлением.

Деятельность российского полицейского никогда не выстраивается как автономная. Над делом зачастую работают несколько сотрудников, а если дело серьёзное, то и несколько отделов. В таком случае попытка решить вопрос на уровне отдельного сотрудника является бессмысленной: он не может принять решение без ведома начальника, а тот, в свою очередь, должен соотнести своё решение, например, с информацией о том, интересы каких служб могут быть поставлены под угрозу, если дело будет закрыто. Таким образом, клановая логика контролирует потенциальные разрушительные эффекты логики квазирыночной — для правоохранительной системы в целом.

В свою очередь, применение квазирыночной логики может укреплять саму клановую логику. Вовлечённость сотрудников в неформальные экономические сделки становится инструментом контроля и управления сотрудниками внутри подразделения. Допускаемое начальством участие сотрудников в неформальных экономических практиках — ещё и способ держать их «на крючке», поддерживать механизм «круговой поруки». Таким образом, в руках начальника квазирыночная логика является одновременно и источником дополнительных денежных вознаграждений сотрудников (что в том числе препятствует кадровой текучке), и инструментом санкций.

Примером трения между институциональными логиками может стать противоречие между ведомственной и профессиональной логиками в работе полиции. В то время как первая ориентирована на

результат «*бери больше, кидай дальше*», вторая акцентирует приоритет рабочего процесса над результатом.

Лишения, которые влечёт за собой негативная динамика показателей, в форме нивелирования премий сотрудникам и т. п. делают изначально второстепенный по своей сути вопрос получения «палок» основной целью деятельности. В совокупности с тем, что вся работа выполняется сотрудниками «на скорость», неудивительно, что система АППГ + 1 воспринимается как противоречащая реальным потребностям рабочего процесса:

Я никогда не откажусь и от нескольких суток работы. Главное, чтобы работа была, а не её видимость. Когда служба превращается в спектакль, в нечто глупое и не нужное никому, кроме руководства, тогда задумываешься: а нужно ли рваться? Ответ очевиден: нет (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников МВД РФ, 2014 г.).

Погоня за показателями вынуждает полицейских перенаправить усилия на поиск дел, легко конвертируемых в «палки».

Сотрудникам полиции становится выгоднее раскрывать или предотвращать наиболее простые виды правонарушений, которые позволяют демонстрировать хорошие количественные показатели в отчётах. А сложные, требующие больших временных и физических затрат правонарушения оказываются в меньшем приоритете.

Неадекватные требования ведомственной статистики порождают целый ряд недобросовестных практик, наносящих урон профессиональной идентичности полицейских. Среди них и проблема нерегистрируемых происшествий, которые либо вообще не попадают в отчётность, либо регистрируются с временными подвигами, чтобы не портить статистику текущего календарного периода и не увеличивать объёмы бумажной работы.

Ещё один пример нарушения профессионального полицейского процесса — это усилия по переквалификации дела ради отчётных показателей. В целом определение тяжести преступления входит в базовый набор задач, которые приходится решать полицейским. При этом, как и в других сферах, процессы квалификации и переквалификации блага не могут происходить в отрыве от процессов их оценивания [Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2008]. И, например, статистику можно улучшить, ужесточив тяжесть раскрытых преступлений или, альтернативно, понизив тяжесть нераскрытых. Иной способ улучшить отчётность — найти фиктивных обвиняемых или ввести в дело дополнительных фигурантов и тем самым, квалифицировать преступление как групповое, что ужесточает многие пункты российского УК. В репертуар факторов принятия решений входит давление на имеющихся обвиняемых для того, чтобы они взяли на себя ответственность и за другие преступления, широко критикуемое в публичном дискурсе силовое принуждение задержанных к даче признательных показаний.

Система оценки деятельности полиции по принципу АППГ + 1 является значимой угрозой для профессиональной интеграции и солидарности полицейских в России. Она нарушает слаженность работы разных подразделений, способствует внутреннему расколу системы, стимулирует конкуренцию за «палки» между её различными структурными подразделениями.

Конкуренция развивается не только между подразделениями, работающими параллельно, но и между структурами, являющимися звеньями одной и той же «производственной цепи» по раскрытию преступлений. Из единой корпорации, работающей на общую цель — обеспечение правопорядка и сокращение уровня преступности, — система МВД превращается в совокупность обособленных структурных

единиц, связанных между собой функциональным разделением труда в рамках решения общей задачи, но в то же время борющихся друг с другом за то, чтобы вклад «своего» подразделения в общее дело был оценён более высоко, чем вклад «чужого».

По большому счету система должна как работать? У участкового — своя задача, у опера — своя, и это всё в общую копилку. То есть слаженные действия различных служб должны приносить результаты. А происходит так, что каждая служба до потери сознания начинает работать в одном направлении, не привлекая ни оперов, ни остальных (интервью, Сергей, участковый, 2010 г.).

Конфликт между клановой и профессиональной логиками становится виден через смысловое противопоставление сотрудниками полиции «начальника» «командиру». Первое актуализирует бюрократические, формальные функции управленческого звена, подчинение которому в таком случае направляется стремлением избежать санкций. Второе отсылает к профессиональному авторитету, управленческим ресурсом командира является уважение. Если начальнику удаётся стать командиром, он оказывается частью коллектива, что становится дополнительной основной для сплочённости и значимым стимулом к работе. В противном случае в отношениях с ним сохраняется дистанция.

Данные дают основания предполагать, что разрыв между ролями начальника и командира возник и развился в 2000-е гг. По-видимому, в этот период перед МВД встала задача оценки эффективности работы полицейской организации («палки, палки, палки») и тесно связанной с ней необходимости оптимизации бюджетов на деятельность правоохранительных органов. Давление на управляющий состав формальных показателей и необходимости экономить фонд оплаты труда усилилось, что актуализировало и роль формальных институтов поощрения и наказания сотрудников. Всё это усугубляет разрыв между понятиями «командир» и «начальник». Клановая и профессиональная логики обособились друг от друга, хотя в советской милиции, похоже, они были неразрывно связаны:

Сравнивая прошлое и нынешнее, прошлое вспоминается с удовольствием. Не было денег — командиры закрывали глаза на подработку, которая не нарушала закон. Бывало три месяца не платили, но был коллектив, и мы продолжали работать. Командир — кто это? Это отец, который в сложной ситуации подскажет, поможет, поругает, но за тебя пасть порвёт. И, видя это, мы сами за ним шли и в пекло, зная, что сдохнем здесь. А сейчас сидит этот, он ни улицы не видел, ни смерти, ни жулика, зато щеки дует и пытается показать, какой он главный. И кричит он: ВЫ ОБЯЗАНЫ, ВЫ ФОРМУ ОДЕЛИ... А про свои обязанности он забыл. Попробуйте сказать здесь, что командир обязан заботиться о личном составе! Сразу будут кричать: вы что, в детский сад пришли? Я не говорю про всех, есть командиры, а не начальники ещё, но их очень мало (из дискуссии на онлайн-форуме сотрудников МВД РФ, 2015 г.)

Заключение

В статье предпринята попытка показать, что, принимая рабочие решения, полицейские балансируют между требованиями государства, обязательствами перед населением, выполнением которых обеспечивает легитимность и института полиции, и господствующей властной группы, отношениями с начальством, профессиональным долгом и желанием навести порядок на вверенной территории, стремлением улучшить своё материальное положение и сохранить профессиональную идентичность. Анализ ситуации сквозь призму теоретического подхода институциональных логик позволяет увидеть, что решения принимаются сотрудниками на фоне институционально укоренённой конкуренции ценностных порядков, пусть и неодинаково легитимных. Этот подход даёт возможность заметить хитросплетения и противоречия между ценностными порядками, и в этом состоит значимый вклад представленного в

статье исследования в понимание пространства факторов, в котором действуют российские полицейские. Особым образом результаты нашего исследования освещают и актуальный в постсоветские годы сюжет о неформальной экономической деятельности в российской полиции, тесно граничащей с проблематикой коррупции.

В целом, социологические исследования неформальной экономической активности российской полиции придерживались стигматизирующего подхода к изучению коррупции, оптика которого всегда направлена на поиск способа элиминировать коррупцию. Ключевая теоретическая дискуссия о природе и происхождении неформальной экономической деятельности полиции в научной литературе представлена тремя авторитетными подходами: (1) подход «испорченного яблока» («*bad apple*» approach) сводит причины полицейской коррупции к произволу отдельных сотрудников [Alpert, Walker 2000]; (2) подход «бочки дёгтя» («*bad barrel*» approach) призывает искать истоки любых профессиональных деформаций полицейских в условиях их работы, фокусируется на системных факторах возникновения полицейской коррупции [Perry 2001; O'Connor 2005]; (3) подход «засохшего сада» («*rotten orchard*» approach) ставит во главу угла вопрос об определённых сочетаниях системных и индивидуальных параметров на фоне общей институциональной обстановки в определённом государстве [Punch 2003].

Данные описываемого исследования указывают на то, что личная выгода конкретного сотрудника — фактор, который внутри правоохранительной системы никак не является ведущим. Неформальная экономическая деятельность российских полицейских не может начаться раньше того, как будет выполнен «план раскрытия», необходимый для статистической отчётности и напрямую влияющий на законодательно заданные параметры формирования заработной платы. Неформальные платежи вместо штрафов начинаются, когда уже закончились протоколы. Кроме того, неформальная экономическая деятельность полицейских не может осуществляться без оглядки на закон и должностные обязанности. Не только из-за формального запрета на подработки и антикоррупционных законов, но и потому, что нельзя быть бывшим полицейским, как нельзя абстрагироваться от своих непосредственных обязанностей даже тогда, когда их нарушаешь. Именно поэтому полицейские ищут оправдания своей неформальной деятельности в низкой заработной плате, якобы свидетельствующей о том, что государство формально запрещает, но на деле закрывает глаза. И даже там, где деньги берутся взамен законом назначенных санкций, сама плата частично обеспечивает санкции за нарушение правил. Дело не только в том, что сами полицейские боятся наказаний. Представляется, что правильнее говорить о том, что они в действительности видят суть своей деятельности в преодолении преступности, в борьбе с нею, но не любое нарушение закона гражданами в их понимании является преступным. Формальная рамка всегда уже социальной реальности. И кому, как не полицейским, постоянно сталкивающимся с несоответствием формальных законов реальным практикам, об этом знать.

Значимыми результаты представленного исследования являются и в контексте реформирования российской полиции. В первую очередь потому, что реформирование полиции не может не затрагивать систему оценки её эффективности. Хотя в процессе реализации недавних реформ неоднократно говорилось об отказе от «палочной» системы, на деле и она сама, и её многочисленные дезорганизующие эффекты по-прежнему сохраняются.

Надёжная система оценки деятельности сотрудников должна, с одной стороны, оказывать прямое и положительное влияние на их мотивацию, а с другой — оставлять возможность для коррекции этого поведения через систему стимулов. Принципиально важно, чтобы система оценки позволяла зафиксировать прогресс в плане достижения целей полиции. Для России это означает прежде всего необходимость определиться с тем, чего же общество ожидает от данного органа.

Установка на борьбу с преступностью требует сокращать уровень преступности, выявлять, регистрировать и раскрывать преступления. Таковы нынешние ожидания по отношению к российской полиции. Однако исследователи уже несколько десятилетий настаивают на том, что подобный подход порочен, а соответствующие ожидания общества завышены [Ху 2013]. Уровень преступности в стране определяется большим количеством социоэкономических, политических, культурных факторов, а посему как рост преступности не может вменяться исключительно ответственности полицейских, так и снижение уровня преступности едва ли может быть отнесено на счёт успешной деятельности полиции.

Отрицательные последствия системы АППГ + 1 на уровне взаимоотношений сотрудников также являются критической проблемой. В связи с этим одним из наиболее важных направлений преобразования системы формальной оценки представляется введение непротиворечивой системы показателей для оценки работы различных подразделений, которая бы позволила преодолеть сложившуюся атмосферу конкуренции и разобщённости и не допускала дальнейшего противопоставления сотрудников и служб друг другу.

Дэвид Старк говорит о том, что в условиях организационной комплексности проблемой может быть не наличие множественности принципов оценивания, а то, что имеющихся логик недостаточно [Старк 2009]. В унисон с этой теоретической идеей в рамках недавней реформы российской полиции возникло предложение по внедрению в систему оценивания российских полицейских такого показателя, как удовлетворённость населения, замеряемого при помощи массовых опросов. Подобное преобразование может дать свои плоды, так как в любом случае пошатнёт имеющуюся иерархию ценностных порядков. Однако, возможно, реформаторам, стремящимся к преобразованию российской полиции по образцу американской системы *community-policing* (полиция для сообщества), важно отдавать себе отчёт в том, что государство и гражданское общество представляют собой различные типы институциональных акторов, интересы которых не полностью пересекаются. Кроме того, даже если не принимать во внимание содержательные и технические искажения, скрытые за лобовым определением уровня удовлетворённости населения полицией, скорее всего, выведение системы пусть и из шаткого, но равновесия принесёт позитивные плоды только в том случае, если вместе с ним будут дополнительно подпитаны институциональные логики, следование которым удерживает лучшее, что есть в системе.

Исследования динамики институциональных полей указывают на то, что драйвером изменений способна стать профессиональная логика [Greenwood, Suddaby, Hinings 2002]. Её усиление возможно при снятии хотя бы отдельных противоречий, возникающих в связи с существующей системой отчётности, например, при совмещении количественных показателей результата с качественными показателями процесса, а также при сокращении объёма бумажной работы по делам с отсутствием состава преступлений и т. п. В пользу профессиональной логики сработало бы и переведение части государственных услуг, например, бюрократически-лицензионных, в другие ведомства и, возможно, на изначально платную основу. Этому вектору отвечает, например, тот факт, что сменой водительских прав с 1 ноября 2016 г. в России будут заниматься многофункциональные центры (МФЦ). Подобные меры приближают ситуацию, когда в ведении полиции останутся вопросы, близкие по сути к тому, что полицейские считают «настоящей работой».

В заключение видится важным задаться вопросом о границах предпринятого исследования. Нужно признать, что они весьма зыбки. Множество тем, возникающих в ответ на вопрос о том, как полицейские оценивают дела, поступающие в их ведение, требуют существенно большего объёма эмпирических данных. В фокусе данного исследования было пространство параметров, в котором полицейские оценивают происшествия. Правовая статистика позволяет увидеть практические последствия реализа-

ции ведомственной логики¹³. Однако, каким образом применение иных логик сказывается, например, на структуре раскрываемых преступлений, судить пока затруднительно.

Разведка, предпринятая в рамках данного исследования, лишь первый шаг в прояснении поставленных вопросов и отслеживании их динамики. Шаг этот сделан преимущественно на данных, касающихся Москвы, и о внешней валидности этого кейса относительно российских регионов следует говорить с осторожностью. Ещё одна проблема — достаточно высокая степень обобщения эмпирических наблюдений относительно разнообразия деятельности различных правоохранительных служб. По данным социологических исследований, под единой вывеской «полиция» работают более 36 квазипрофессиональных групп [Новикова, Шепелева 2005: 85]. Импликация выявленных логик в каждой из них требует дополнительного изучения. И эта задача представляется актуальной.

Переход издательских домов от редакторской к рыночной институциональной логике обесценил любовь к книгам и их авторам, стремление к органическому росту через создание новых книжных серий как стимул к реализации издательской деятельности. Основной ценностью стали завоёванная доля рынка и уровень получаемых прибылей, легче достигаемые за счёт переиздания хорошо продаваемой литературы [Thornton, Ocasio 1999].

Институционализовав систему оценки деятельности учёных на основании темпов публикационной активности и индексов цитируемости, современная социальная наука сделала выбор в пользу установки на бесконечную верификацию имеющихся научных результатов, существенно понизив шансы на возникновение научных открытий [Karpik 2011].

Российская полиция сегодня, похоже, близка к точке невозврата, за которой уже нельзя будет выбрать, по каким из имеющихся правил дальше играть. Что будет, когда этот рубеж окажется пройден? И главное — какой будет цена?

¹³ См., например: URL: <http://crimestat.ru/opendata>

Приложение

Список респондентов

Имя	Должность и (или) звание	Год проведения интервью
1. Сергей	Участковый	2010
2. Иван	Сотрудник хозяйственной части, ГАИ	2010
3. Игорь	Полковник МВД, в отставке	2010
4. Валерий	Оперативник	2011
5. Арсений	Оперативник, на пенсии	2011
6. Влад	Участковый	2011
7. Вадим	Отдел МВД	2011
8. Александр	Капитан МВД	2014
9. Константин	Следователь	2014
10. Дмитрий	Майор	2015
11. Екатерина	Капитан, ГИБДД (штаб)	2016
12. Надежда	Инспектор	2016
13. Ольга	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016
14. Валерий	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016
15. Андрей	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016
16. Павел	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016
17. Ольга	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016
18. Елена	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016
19. Артем	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016
20. Виталий	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016
21. Николай	Слушатель 5-го курса МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя	2016

Литература

- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
- Бердышева Е. 2013. «Палка о двух концах»: система оценивания эффективности деятельности правоохранительных органов АППГ + 1 в восприятии сотрудников (экономико-социологический анализ). *Человек. Сообщество. Управление*. 1: 127–142.
- Болтански Л., Тевено Л. 2000. Социология критической способности. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 3 (3): 66–83.
- Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. 2016. *Три века российской полиции. Служение обществу. Защита Отечества*. М.: РИПОЛ классик.
- Бунов Е. Г. 2011. Внутрисистемные установки оценки эффективности деятельности органов внутренних дел (по результатам социологического исследования). *Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права*. 3: 71–76.

- Бурдьё П. 2005. Власть права: основы социологии юридического поля. В кн.: Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетейя; 75–128.
- Волков В. В. 2002. Силовое предпринимательство в России 1990-х. *Экономическая социология*. 3 (2): 18–43.
- Гадея Ш. 2011. Социология профессий и социология профессиональных групп. В защиту изменения подхода. В кн.: Романов П., Ярская-Смирнова Е. Р. (отв. ред.) *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешён*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»); 15–34.
- Гладарев Б. 2011. Профессия «российский милиционер». В кн.: Романов П., Ярская-Смирнова Е. Р. (отв. ред.) *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешён*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»); 113–143.
- Гладарев Б. 2012. Базис без надстройки: социологические заметки о работе милиции накануне реформы 2010–2011 годов. *Неволя*. 28: 110–130.
- Дубова А. Е., Косалс Л. Я. 2012. Включённость российских полицейских в теневую экономику. *Отечественные записки*. 2. 175–183.
- Каллон М., Меадель С., Рабехарисоа В. 2008. Экономика качеств. *Журнал социологии и социальной антропологии*. XI (4): 59–87.
- Клушин О. З. 2007. Практика оценки эффективности деятельности правоохранительных структур зарубежных стран и возможности ее адаптации в Российской Федерации. *Труды Академии управления МВД*. 4. URL: <http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=74&SID=>
- Коленникова О. et al. 2003. *Экономическая деятельность работников милиции: масштабы, причины и последствия*: В 2 ч. М.: ИСЭПН РАН.
- Коленникова О., Косалс Л., Рывкина Р. 2004. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции. *Социологические исследования*. 3: 73–83.
- Максимова А. Е. 2013. *Неформальная экономическая деятельность сотрудников полиции в трансформирующихся обществах: укоренённость в полицейской культуре*. Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. Рукопись. НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/94176917>
- Малыгин А. Я. (сост.) 2001. *Милиция России: документы и материалы, 1917–1999 гг.* Саратов: Саратовский юридический институт.
- Новикова А., Шепелева О. 2005. *Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола*. М.: Демос.
- Панеях Э. Л., Титаев К. Д. 2011. *От милиции к полиции: реформа системы оценки деятельности органов внутренних дел*. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Радаев В. В. 2006. Что такое рынок: экономико-социологический подход. *Экономическая социология*. 7 (5): 14–27. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2006-7-5/26594533.html>

- Радаев В. В. 2007. Что такое рынок: экономико-социологический подход. *Экономическая социология*. 8 (1): 9–26. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26594593.html>
- Скотт Р. 2007. Конкурирующие логики в здравоохранении: профессиональная, государственная и менеджериальная. *Экономическая социология*. 8 (1): 27–44. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26594182.html>
- Старк Д. 2009. Гетерархия: организация диссонанса. *Экономическая социология*. 10 (1): 57–89. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-1/26592321.html>
- Тевено Л. 2000. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человека. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 3 (3): 84–111.
- Уваров И. А. 2013. Становление системы предупреждения преступности в России начала XVIII–XIX веков. *Юрист-Правовед*. 2 (57): 57–60.
- Abbot A. 1993. The Sociology of Work and Occupations. *Annual Review of Sociology*. 19: 187–209.
- Alpert G. P., Walker S. 2000. Police Accountability and Early Warning Systems: Developing Policies and Programs. *Justice Research and Policy*. 2 (2): 59–72.
- Appadurai A. 1995. Introduction: Commodities and the Politics of Value. In: Appadurai A. (ed.). *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press; 3–63.
- Beckert J., Aspers P. 2011. Value in Markets. In: Aspers P., Beckert J. (eds). *The Worth of Goods: Valuation and Pricing in The Economy*. New York: Oxford University Press; 3–40.
- Comack E., Balfour G. 2004. *The Power to Criminalize: Violence, Inequality and the Law*. Halifax: Fernwood Publishing.
- Espeland W., Stevens M. 1998. Commensuration as a Social Process. *Annual Review of Sociology*. 24: 312–343.
- Friedland R. 2012. *Divine Institution: Max Weber's Value Spheres and Institutional Theory*. URL: https://www.academia.edu/6713873/Divine_Institution_Max_Weber_s_Value_Spheres_and_Institutional_Theory
- Friedland R., Alford R. 1991. Bringing Society Back in Symbols, Practices and Institutional Contradictions. In: Powell W. W., DiMaggio P. J. (eds). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press; 232–263.
- Freidson E. 1988. *Profession of Medicine. A Study of The Sociology of Applied Knowledge*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Gerber T., Mendelson S. E. 2008. Public Experience of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? *Law & Society Review*. 42 (1): 1–44.
- Greenwood R., Hinings C. R. 1993. Understanding Strategic Change: The Contribution of Archetypes. *Academy of Management Journal*. 36: 1052–1081.

- Greenwood R., Suddaby R., Hinings C. R. 2002. Theorizing Change: The Role of Professional Associations in the Transformation of Institutionalized Fields. *Academy of Management Journal*. 45: 58–80.
- Helgesson C.-F., Muniesa F. 2013. For What It's Worth: An Introduction to Valuation Studies. *Valuation Studies*. 1 (1): 1–10.
- Heuts F., Mol A. 2013. What Is a Good Tomato? A Case of Valuing in Practice. *Valuation Studies*. 1 (2): 125–146.
- Hinings C. R., Malhotra N. 2008. Change in Institutional Fields. In: Ebner A., Beck N. (eds). *The Institutions of the Market. Organizations, Social Systems and Governance*. Oxford: Oxford University Press; 106–128.
- Humphrey C. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Hutter M., Stark D. 2015. Pragmatist Perspectives on Valuation: An Introduction. In: Antal A. B., Hutter M., Stark D. (eds). *Moments of Valuation. Exploring Sites of Dissonance*. Oxford: Oxford University Press; 1–13.
- Karpik L. 2010. *Valuing the Unique: The Economics of Singularity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Karpik L. 2011. What is the Price of Scientific Paper? In: Aspers P., Beckert J. (eds). *The Worth of Goods: Valuation and Pricing in the Economy*. New York: Oxford University Press; 63–85.
- Kornai J. 2000. Hidden in an Envelope: Gratitude Payments to Medical Doctors in Hungary. In: Dahrendorf R. G. et al. (eds). *The Paradoxes of Unintended Consequences*. Budapest; New York: Central European University Press, 195–214.
- Kosals L. Y. 2007. Essay on Clan Capitalism in Russia. *Acta Oeconomica*. 57 (1): 67–85.
- Maksimova A., Kosals L. Y. 2013. Russian Police Involvement in the Shadow Economy. *Russian Politics and Law*. 4: 48–58.
- Mennicken A., Sjögren E. 2015. Valuation and Calculation at the Margins. *Valuation Studies*. 3 (1): 1–7.
- O'Connor T. R. 2005. *Police Deviance and Ethics. Criminal Justice*. URL: <http://www.faculty.ncwc.edu/toconnor/205/205lect11.htm>.
- Perry F. 2001. Repairing Broken Windows — Police Corruption. *FBI Law Enforcement Bulletin*. 70 (2): 23–27.
- Punch M. 2003. Rotten Orchards: «Pestilence», Police Misconduct and System Failure. *Policing and Society*. 13 (2): 171–196.
- Shelley L. 1996. *Policing Soviet Society*. London; New York: Routledge.
- Stark D. 2009. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. Princeton: Princeton University Press.

- Stark D. 2011. What's Valuable? In: Aspers P., Beckert J. (eds). *The Worth of Goods: Valuation and Pricing in the Economy*. New York: Oxford University Press; 319–338.
- Thornton P. H., Ocasio W. 1999. Institutional Logics and the Historical Contingency of Power in Organizations: Executive Succession in the Higher Education Publishing Industry, 1958–1990. *The American Journal of Sociology*. 105 (3): 801–843.
- Thornton P. H., Ocasio W., Lounsbury M. 2012. *The Institutional Logics Perspective. A New Approach to Culture, Structure and Process*. Oxford: Oxford University Press.
- Wells W. 2009. Performance Appraisal Systems. In: Maguire E., Wells W. (eds). *Implementing Community Policing: Lessons from 12 Agencies*. US Department of Justice. URL: <http://ric-zai-inc.com/Publications/cops-w0746-pub.pdf>
- Xu J. 2013. Police Accountability and the Commodification of Policing in China. A Study of Police/Business Posters in Guangzhou. *British Journal of Criminology*. 53 (6): 1093–1117.

NEW TEXTS

Elena Berdysheva

Varying Worth of Crimes in the Eyes of Policemen in Russia

BERDYSHEVA, Elena —

Candidate of Sciences in Sociology; Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: eberdysheva@hse.ru

Abstract

The article demonstrates that crimes that come to the attention of the criminal police have varying worth in the eyes of Russian policemen and, consequently, attract unequal efforts. The worth of crimes is closely related to the criteria for evaluation of police performance. The data derived from 12 in-depth interviews with Russian police officers, nine in-depth interviews with senior students of Moscow University of Russian Interior Ministry who are undergoing practice within police departments, and online discussions within the police community show that policemen in Russia made their practical decisions while balancing between multiple orders of worth.

The theoretical framework of data interpretation is represented by symbiosis theories of valuations and the institutional logics approach. Operationalized as a set of cultural rules and expectations defining legitimate grounds for assessing and determining what rational behavior in a given organizational context really is, the concept of institutional logics stresses the interrelations between value-oriented and material dimensions of social action but allows one to stress the hierarchy and constant competition between various orders of worth in an organization. Four institutional logics — state, clan, quasi-market, and professional — are empirically identified. Each of them brings its own order of worth to the police organizational environment.

Crimes in the eyes of the police always have a price — expressed in either “checkmarks,” points of recognition by the boss or colleagues, or money. The data suggest that, despite the hierarchy between the orders of (crimes’) worth within the police system as a whole, in each case, institutional logics and criteria of worth related to them compete with each other. Depending on the characteristics of the criminal case and the situation in the police department at a given moment, the competition between various orders of worth is resolved by policemen in different ways. The results of the study shed light on the functioning of police discretion and help to accentuate the dysfunctional side of police reform in Russia.

Keywords: orders of worth; justice; professionalism; corruption; policing reform in Russia; performance appraisal system.

Acknowledgements

The article is based on data from the project “Informal Economic Activity of Police in Transforming Countries and the Problems of Population Safety (the Cases of Russia, Bulgaria, Kazakhstan, and Latvia)” being realized within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2016.

The author wishes to thank professor Leonid Kosals (HSE) and the reviewers for all their comments and suggestions.

References

- Abbot A. (1993) The Sociology of Work and Occupations. *Annual Review of Sociology*, no 19, pp. 187–209.
- Alpert G. P., Walker S. (2000) Police Accountability and Early Warning Systems: Developing Policies and Programs. *Justice Research and Policy*, vol. 2, no 2, pp. 59–72.
- Appadurai A. (1995) Introduction: Commodities and the Politics of Value. *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective* (ed. A. Appadurai), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–63.
- Beckert J., Aspers P. (2011) Value in Markets. *The Worth of Goods: Valuation and Pricing in the Economy* (eds. P. Aspers, J. Beckert), New York: Oxford University Press, pp. 3–40.
- Berdysheva E. (2013). “Palka o dvukh kotsakh”: sistema otsenivaniya effektivnosti deyatel’nosti pravookhranitel’nykh organov APPG + 1 v vospriyatii sotrudnikov (ekonomiko-sotsiologicheskii analiz) [The Stick of Two Tails: Police Performance Appraisal System in Perception of Policemen (Economic-Sociological Analysis)]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. no 1, pp. 127–142 (in Russian).
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial’noe konstruirovaniye real’nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium (in Russian).
- Boltanski L., Thevenot L. (2000) Sotsiologiya kriticheskoy sposobnosti [The Sociology of Critical Capacity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii*, vol. 3, no 3, pp. 66–83 (in Russian).
- Borisov A., Malygin A., Mulukaev R. (2016) *Tri veka rossiyskoy politsii. Sluzhenie obshchestvu. Zashchita otechestvu* [Three Centuries of Russian Police. Serving to Society. Defending the Motherland], Moscow: Ripol Classik Publishing House (in Russian).
- Bourdieu P. (2005) Vlast’ prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya [The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field]. *Bourdieu P. Sotsial’noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices] (ed. N. A. Shmatko), St. Petersburg: Aleteya, pp. 75–128 (in Russian).
- Bunov E. G. (2011) Vnutrisistemnye ustanovki otsenki effektivnosti deyatel’nosti organov vnutrennikh del (po rezul’tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Inner Performance Appraisal in the Body of Inner Affairs: The Results of Sociological Study]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal’skogo universiteta ekonomiki i prava*, no 3, pp. 71–76 (in Russian).
- Callon M., Meadel C., Rabeharisoa V. (2002) Ekonomika kachestv [The Economy of Qualities]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii*, vol. XI, no 4, pp. 59–87 (in Russian).
- Comack E., Balfour G. (2004) *The Power to Criminalize: Violence, Inequality and the Law*, Halifax: Fernwood Publishing.
- Dubova A., Kosals L. (2012) Vklyuchennost’ rossiyskikh politseyskikh v tenevuyu ekonomiku [Engagement of Russian Policemen in the Shadow Economy]. *Otechestvennye zapiski*, no 2, pp. 175–183 (in Russian).
- Espeland W., Stevens M. (1998) Commensuration as a Social Process. *Annual Review of Sociology*, no 24, pp. 312–343.

- Freidson E. (1988). *Profession of Medicine. A Study of the Sociology of Applied Knowledge*, Chicago: London: The University of Chicago Press.
- Friedland R., Alford R. (1991) Bringing Society Back in Symbols, Practices and Institutional Contradictions. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (eds. W. W. Powell, P. J. DiMaggio), Chicago: University of Chicago Press, pp. 232–263.
- Friedland R. (2012) *Divine Institution: Max Weber's Value Spheres and Institutional Theory*. Available at: https://www.academia.edu/6713873/Divine_Institution_Max_Weber_s_Value_Spheres_and_Institutional_Theory (accessed 9 September 2016).
- Gadea S. (2011). Sotsiologiya professiy i sotsiologiya professional'nykh grupp. V zashchitu izmeneniya podkhoda [Sociology of Professions and Sociology of Professional Groups. In Defense of Changes of the Approach]. *Antropologiya professiy, ili Postoronnim vkhod razreshen* [Anthropology of the Profession, or No Entry] (eds. P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova), Moscow: OOO "Variant"; CSPGI (Biblioteka "Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki"), pp. 15–34 (in Russian).
- Gerber T., Mendelson S. E. (2008) Public Experience of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? *Law & Society Review*, vol. 42, no 1, pp. 1–44.
- Gladarev B. (2011) Professiya "rossiyskiy militsioner" [Russian Militiaman as a Profession]. *Antropologiya professiy, ili Postoronnim vkhod razreshen* [Anthropology of the Profession, or No Entry] (eds. P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova), Moscow: OOO "Variant"; CSPGI (Biblioteka "Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki"), pp. 113–143 (in Russian).
- Gladarev B. (2012) Bazis bez nadstroyki: sotsiologicheskie zametki o rabote militsii nakanune reformy 2010–2011 godov [Basis without Superstructure: Sociological Essay about Militia before the 2010–2011 Reform]. *Nevolya*, no 28, pp. 110–130 (in Russian).
- Greenwood R., Hinings C. R. (1993) Understanding Strategic Change: the Contribution of Archetypes. *Academy of Management Journal*, vol. 36, pp. 1052–1081.
- Greenwood R., Suddaby R., Hinings C. R. (2002) Theorizing Change: The Role of Professional Associations in the Transformation of Institutionalized Fields. *Academy of Management Journal*, no 45, pp. 58–80.
- Helgesson C.-F., Muniesa F. (2013) For What It's Worth: An Introduction to Valuation Studies. *Valuation Studies*, vol. 1, no 1, pp. 1–10.
- Heuts F., Mol A. (2013) What is a Good Tomato? A Case of Valuing in Practice. *Valuation Studies*, vol. 1, no 2, pp. 125–146.
- Hinings C. R., Malhotra N. (2008) Change in Institutional Fields. *The Institutions of the Market. Organizations, Social systems and Governance* (eds. A. Ebner, N. Beck), Oxford: Oxford University Press, pp. 106–128.
- Humphrey C. (2002) *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Hutter M., Stark D. (2015) Pragmatist Perspectives on Valuation: An Introduction. *Moments of Valuation. Exploring Sites of Dissonance* (eds. A. B. Antal, M. Hutter, D. Stark), Oxford: Oxford University Press, pp. 1–14.

- Karpik L. (2010) *Valuing the Unique: The Economics of Singularity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Karpik L. (2011) What is the Price of Scientific Paper? *The Worth of Goods: Valuation and Pricing in the Economy* (eds. P. Aspers, J. Beckert), New York: Oxford University Press, pp. 63–85.
- Klushin O. Z. (2007) Praktika ocenki ehffektivnosti deyatel'nosti pravoohranitel'nyh struktur zarubezhnyh stran i vozmozhnosti ee adaptacii v Rossijskoj Federacii [Practice of Police Performance Appraisal in Different Countries and The Potential of Adaptation Them in Russian Federation]. *Trudy Akademii Upravleniya MVD*. 4. Available at: <http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=74&SID=> (accessed 9 September 2016) (in Russian).
- Kolennikova O., Kosals L., Ryvkina R. (2004). Kommertsionalizatsiya sluzhebnoy deyatel'nosti rabotnikov militsii [Commercialization of Militia Work]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 73–83. (in Russian).
- Kolennikova O., Kosals L., Ryvkina R., Simagin Y. (2003) *Ekonomicheskaya deyatel'nost' rabotnikov militsii: masshtaby, prichiny i posledstviya* [Economic Activity of Militia: Size, Reasons and Consequences]: 2 parts, Moscow: ISEHPN RAN (in Russian).
- Kornai J. (2000). Hidden in an Envelope: Gratitude Payments to Medical Doctors in Hungary. *The Paradoxes of Unintended Consequenses* (eds. R. H. Dahrendorf, lord, E. Yehuda, N. Aryeh, W. Newton-Smith, I. Rév), Budapest; New York: Central European University Press, pp. 195–214.
- Kosals L. Y. (2007) Essay on Clan Capitalism in Russia. *Acta Oeconomica*, vol. 57, no 1, pp. 67–85.
- Maksimova A. E. (2013) *Neformal'naya ekonomicheskaya deyatel'nost' sotrudnikov politsii v transformiruyushchihsiya obshchestvakh: ukorenennost' v politseyskoy kul'ture* [Informal Economic Activity in Police in Transitional Societies: Embeddedness in Police Culture]. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk. Rukopis'. HSE. Available at: <https://www.hse.ru/sci/diss/94176917> (accessed 9 September 2016) (in Russian).
- Maksimova A., Kosals L. Y. (2013) Russian Police Involvement in the Shadow Economy. *Russian Politics and Law*, no 4, pp. 48–58.
- Malygin A. Y. (2001) *Militsiya Rossii: dokumenty i materialy, 1917–1999 gg.* [Militia in Russia: Documents and Materials, 1917–1999] (collected A. Y. Malygin), Saratov: Saratovsky Uridichesky Institute (in Russian).
- Mennicken A., Sjögren E. (2015) Valuation and Calculation at the Margins. *Valuation Studies*, vol. 3, no 1, pp. 1–7.
- Novikova A., Shepeleva O. (2005) *Reforma pravoohranitel'nykh organov: preodolenie proizvola* [Reform of Law Enforcement Bodies: Overcoming the Abuse of Power], Moscow: Demos (in Russian).
- O'Connor T. R. (2005) Police Deviance and Ethics. *Criminal Justice*. Available at: <http://www.faculty.ncwc.edu/toconnor/205/205lect11.htm> (accessed 9 September 2016).

- Paneyakh E., Titaev K. (2011) *Ot militsii k politzii: reforma sistemy otsenki deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [From Militia to Police: Reform of The Evaluation System of the Activities of Internal Affairs Bodies], St. Petersburg: IPP EU SPb (in Russian).
- Perry F. (2001) Repairing Broken Windows — Police Corruption, *FBI Law Enforcement Bulletin*, vol. 70, no 2, pp. 23–27.
- Punch M. (2003) Rotten Orchards: “Pestilence”, Police Misconduct and System Failure. *Policing and Society*, vol. 13, no 2, pp. 171–196.
- Radaev V. (2006) Chto takoe rynek: ekonomiko-sotsiologicheskii podkhod [What Market Is? Economic Sociology Approach]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 7, no 5, pp. 14–27. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2006-7-5/26594533.html> (accessed 9 September 2016) (in Russian).
- Radaev V. (2007) Chto takoe rynek: ekonomiko-sotsiologicheskii podkhod [What Market Is? Economic Sociology Approach]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 8, no 1, pp. 9–26. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26594593.html> (accessed 9 September 2016) (in Russian).
- Scott R. W. (2007) Konkuriuyushchie logiki v zdavookhraneni: professional'naya, gosudarstvennaya i menedzheral'naya [Competing Logics in Healthcare: Professional, State and Managerial]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 8, no 1, pp. 27–44. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26594182.html> (accessed 9 September 2016) (in Russian).
- Shelley L. (1996) *Policing Soviet Society*, London; New York: Routledge.
- Stark D. (2009a) Geterarkhiya: organizatsiya dissonansa [Heterarchies: Organization of Dissonance]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 1, pp. 57–89. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-1/26592321.html> (accessed 9 September 2016) (in Russian).
- Stark D. (2009b) *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*, Princeton: Princeton University Press.
- Stark D. (2011). What's Valuable? Aspers P., Beckert J. (eds). *The Worth of Goods: Valuation and Pricing in the Economy*. New York: Oxford University Press, pp. 319–338.
- Thevenot L (2000) Kakoy dorogoy idti? Moral'naya slozhnost' “obustroennogo” cheloveka [Which Road to Follow? The Moral Complexity of an “Equipped” Humanity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 3, no 3, pp. 84–111 (in Russian).
- Thornton P. H., Ocasio W. (1999) Institutional Logics and the Historical Contingency of Power in Organizations: Executive Succession in the Higher Education Publishing Industry, 1958–1990. *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no 3, pp. 801–843.
- Thornton P. H., Ocasio W., Lounsbury M. (2012) *The Institutional Logics Perspective. A New Approach to Culture, Structure and Process*, Oxford: Oxford University Press.
- Uvarov I. A. (2013) Stanovlenie sistemy preduprezhdeniya prestupnosti v Rossii nachala XVIII–XIX vekov [The Establishment of the System of Crime Prevention in Russia at the beginning of XVIII–XIX Centuries]. *Yurist-Pravoved*, vol. 2, no 57, pp. 57–60 (in Russian).

Wells W. (2009). Performance appraisal systems. *Implementing community policing: Lessons from 12 Agencies* (eds. E. Maguire, W. Wells), US Department of Justice. Available at: <http://ric-zai-inc.com/Publications/cops-w0746-pub.pdf> (accessed 9 September 2016)

Xu J. (2013). Police Accountability and the Commodification of Policing in China. A Study of Police/Business Posters in Guangzhou. *British Journal of Criminology*, vol. 53, no 6, pp. 1093–1117.

Received: April 15, 2016.

Citation: Berdysheva E. (2016) Differentiatsiya “privlekatel’nosti” pravonarusheny v vospriyatii rossiyskikh politseyskikh [Varying Worth of Crimes in the Eyes of Policemen in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 4, pp. 15–52. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-4.html> (in Russian).